

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ФИНЛЯНДСКИЙ ОКРУГ



**НИКТО
НЕ ЗАБЫТ,
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО**

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть 5

ЧТОБ НЕ ЗАБЫЛАСЬ
ТА ВОЙНА...

*Воспоминания жителей Финляндского округа
о войне и блокаде Ленинграда*



Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга муниципальный округ Финляндский округ

В книге «Никто не забыт, ничто не забыто» записаны воспоминания участников Великой Отечественной войны, блокадников, тружеников тыла, бывших узников фашистских концлагерей, детей войны, проживающих на территории нашего округа, с использованием материалов из государственных и личных архивов.

В книге отражены судьбы людей, живущих с нами по соседству, тех людей, которых мы можем с вами видеть каждый день. Не все мы знаем, что им пришлось пережить во время великого испытания для нашей Родины — в годы Великой Отечественной войны. Особенно это важно знать и помнить молодому поколению.

Это издание поможет лучше узнать о людях, порой незаметных и скромных, спасших нашу страну от гибели. К сожалению, с каждым годом их становится все меньше. А ведь только они способны рассказать нам всю правду о войне. Надемся, это издание поможет нам сохранить их воспоминания и память о героях той поры.

© Муниципальное образование Финляндский округ, 2014



УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!



Как показывает время, слова, взятые для названия пятого тома Книги памяти, который вы держите в руках, «Чтоб не забылась та война» сегодня актуальны как никогда. Подтверждение тому — события, происходящие в некоторых странах мира, где власть в свои руки пытаются захватить экстремисты и радикалы. При этом законная власть свергается с использованием любых способов и средств, противоречащих международному законодательству.

Мне нередко приходится слышать о том, что о войне уже все написано, что-либо новое рассказать о тех событиях уже нечего. Но мы и не стремимся к этому. Что такое война, что такое фашизм, что такое смерть мирного населения — ни в чем неповинных детей, женщин, стариков — надо напоминать постоянно. Думаю, многие согласятся с популярным в сети Интернет лозунгом «Самым главным предметом в школе должна быть история. Когда историю не учат, получается майдан». Наши дети и внуки должны знать историю своего народа, своей страны, историю своих дедов. Должны знать, что они родились и выросли в великой стране, которой должны гордиться.

В эту книгу вошли воспоминания жителей нашего округа, которым в детстве и молодости пришлось столкнуться лицом к лицу с войной, смертью, фашизмом, голодом, нищетой и бесконечным страхом за свою жизнь и жизнь самых близких и родных людей.

Пятая часть Книги памяти вышла в свет в знаменательное время — в год празднования 70-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Этот праздник по праву считается Ленинградским Днем Победы.

Когда начиналась работа над книгой, мы планировали разместить в ней лишь воспоминания ветеранов войны, жителей блокадного Ленинграда, тружеников тыла. Но в течение работы над томом к нам обратилось немало членов общественных организаций малолетних узников фашистских концлагерей, защитников Москвы, детей войны и мы не смогли им отказать.

Хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто принял участие в написании пятого тома Книги памяти.

Низкий поклон всем, кто спас нашу Родину от фашистов, кто выстоял в самой жестокой войне, кто отстоял Ленинград, кто отдал свои жизни во имя мирного будущего!

*Глава муниципального образования
Финляндский округ
Всеволод Беликов*



**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СОВЕТ И МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ФИНЛЯНДСКИЙ ОКРУГ
ВЫРАЖАЮТ ИСКРЕННЮЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПОМОЩЬ В ИЗДАНИИ
ПЯТОЙ ЧАСТИ КНИГИ ПАМЯТИ «ЧТОБ НЕ ЗАБЫЛАСЬ ТА ВОЙНА»**

Местному отделению городской общественной организации
«Дети войны, погибших и пропавших без вести родителей»
Председателю *Комлевой Розе Александровне*

Общественной организации «Бывшие малолетние узники
фашистских концлагерей Калининского района»
Председателю *Яковлевой Нине Алексеевне*,
Куратору по Финляндскому округу *Ивановой Тамаре Александровне*

Общественной организации муниципального образования
Финляндский округ «Совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов»
Председателю *Солину Анатолию Анатольевичу*

Общественной организации муниципального образования
Финляндский округ «Жители блокадного Ленинграда»
Председателю *Куликовой Галине Филипповне*

Студентке Национального государственного Университета
физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта
Арсеньевой Надежде





Галина Павловна АНДРЕЕВА

Я родилась 12 декабря 1936 года. Жили мы тогда на Петроградской стороне, возле Медицинского института. Когда началась война, мне было 4,5 года. Мы с бабушкой уехали отдыхать в её родную Калининскую область, и там нас застала новость о войне. Возвращаться в Ленинград мы не стали.

И очень скоро в Калининскую область пришли немцы, остались там и сожгли нашу деревню. Хорошо помню, как пылал огонь, но страха я тогда не чувствовала. Помню голод. Я и бабушка всю зиму жили в землянке на огороде. Рядом был колодец. Это было очень удобно: вода была всегда под рукой, не надо было далеко ходить. Немцы нас как местных мирных жителей не трогали. Их интересовали только комсомольцы.

Мои родители работали на оборонном заводе «Прогресс» (около Финляндского вокзала), который эвакуировали в Омск. Там они изготавливали прицелы для танков. Вскоре, после того как они прислали нам вызов, к ним отправились и мы с бабушкой.

В Омске жить нам пришлось у хозяйки. Несмотря на голод, жилось нормально. Там я пошла в первый класс. А когда мы вернулись в 1946 году в Ленинград, я пошла в третий класс в школу № 19 на ул. Комсомола. Сейчас там больница. Поселили нас после войны в общежитии при заводе, под которое отдали здание большого кинотеатра. Внутри большого зала поставили перегородки и разделили его на так на-





зываемые клетушки. Так что мы жили в маленьких комнатках, метров по десять, в которых не было даже окна и потолка. Но нам еще повезло — мы жили в фойе вшестером. Жили дружно, уже не так чувствовался голод. Мама умела достать еды, а игрушек у меня никогда не было.

Во время блокады в Ленинграде от голода умерли мой дедушка и дядя. А наш двухэтажный деревянный дом (на Петроградской, возле Медицинского института) сожгли, и все документы о нём соответственно пропали. Когда город стали отстраивать заново, нам дали комнату на улице Дзержинского, в доме № 40. В послевоенные годы мама на лето снимала домик у лесника. Мы жили на природе и часто собирали ягоды.

Классы в школах были большие. Всего я закончила семь классов общеобразовательной школы. На ул. Дзержинского, у Пяти углов, я закончила последний, седьмой класс и поступила в военно-механический техникум на оптико-механическое отделение.

После учебы пошла работать на завод «Прогресс», на котором сорок пять лет отработал мой папа. У папы было незаконченное высшее, но он работал инженером, а потом и руководителем. Вначале я была помощником мастера в сборочном цехе, но мне эта руководящая должность не



слишком понравилась, и я перешла в контрольный отдел. Ещё два года работала помощником мастера, а все остальные годы контролером, собирала микроскопы. Это кропотливая работа, которая требовала большой точности. Я получила шестой разряд. Затем перешла на

ЛОМО (Ленинградское оптико-механическое объединение), в оптический цех. А после рождения ребенка я перешла в ГОМЗ (Государственный оптико-механический завод). В ГОМЗе у нас была контрольно-измерительная лаборатория, и мы всю оптику, которая там изготовлялась, проверяли на приборах: очень точно подгоняли, ловили микроны. Там я сильно испортила зрение, так как целыми днями приходилось напрягать глаза.

В нашей лаборатории начиналось цветное телевидение! После изготовления призмы, мы на нее наносили специальное покрытие, а потом разделяли красный, зеленый и синий цвета. Контролировали всё это на приборах по их кривым и совмещению всех этих цветов. Очень уставали, потому что все делать приходилось в темной комнате. Но я очень гордилась тем, что была причастна к началу цветного телевидения. Правда, сам цветной телевизор у меня появился не скоро. Свой вклад я внесла и в создание космического спутника, когда работала в космическом цеху. В большой башне, где находился спутник, мы контролировали параметры деталей для него. На каждый прибор было свое техническое условие, которое мы и должны были соблюдать.

В 1989 году в возрасте пятидесяти девяти лет я ушла на пенсию. Но просто так дома сидеть не хотелось, и я устроилась няней. А сейчас я радуюсь правнуку.





Ирма Кузьминична ГРОМОВА

Я родилась в городе Ишиме Тюменской области, в семье военного. Мой отец, Бурчин Кузьма Яковлевич, в конце 1939 года был откомандирован в Краснодарский край, в станицу Темиргоевская. Наша семья тогда уже состояла из шести человек: четырех детей и мамы с папой. В станице отцу была выделена двухкомнатная квартира в кирпичном одноэтажном доме. К тому же он получил коня и кубанское снаряжение: черкесскую бурку, папаху и саблю.

В январе 1940-го мама родила пятого ребенка. В сентябре того же года я пошла в первый класс.

Весной 1941-го папа с военными строил переправу через реку Лаба. А когда 22 июня было объявлено о том, что началась война с фашистской Германией, переправа была уже готова. Помню, как в первые дни войны к ней потянулись толпы беженцев. И были это не местные станичники и не крестьяне, а жители разных городов. Было их очень много.

Все стремились на противоположную сторону реки, в лес, к горам Кавказа.

В те дни мой отец пришел домой и сказал маме: «Забирай детей и идите ближе к степи, подальше от переправы. Там во многих дворах уже выкопаны окопы. Веди детей к Антонине Николаевне Тихоновой — знакомой учительнице».

По дороге, скрываясь от фашистов, нам пришлось отсиживать-ся в окопах. Сколько времени мы сидели в укрытии, не знаю. Тогда нам было очень туго. Но самое ужасное происходило ночью: стоял гул артиллерийской канонады, тот тут, то там вспыхивали яркие огни. А когда на рассвете зажужжали машины и затарахтели мотоциклы, все поняли, что пришли немцы.

В окопе нас было много, поэтому сесть как можно ниже, чтобы спрятаться, не удавалось. Я получила ранение в голову, но осталась жива.

Пока мы отсиживались в окопах вдали от дома, нашу квартиру заняли оккупанты, и семья оказалась бездомной. Мама несколько дней ходила по дворам, просила, чтобы нас местные пустили к себе в хату. Но приютить согласилась одна бывшая колхозница — трактористка. Вещей у нас не осталось к тому времени: пока мы находились в окопах, их растащили. Так, по крайней мере, нам объяснили немцы, которые поселились в нашей квартире.

Через несколько дней немцы с полицаями-бендеровцами начали обход дворов. Они перестреляли всех собак, чтобы не наводили шума, когда те приближаются к хатам. Во двор всегда приходили втроем или вчетвером. Обычно немцы оставались во дворе, играли на губной гармошке, а полицаи в черной форме и квадратной фуражке, с ружьем заходил в хаты и все переворачивал вверх дном. Залезал в погреба и сараи. Так искали евреев, и, если находили, тут же расстреливали. Немцы при этом что-то записывали в свои планшеты. Все население станицы было переписано.

Разрушенных хат в нашей станице не было. При наступлении немцы разбомбили только два больших двухэтажных дома. Это были школы: одна в центре, а другая — на окраине.

Женщины и подростки в основном трудились в поле — убирали созревшую пшеницу, которая





была посажена колхозниками еще до начала войны. Все комбайны и трактора достались немцам. Кто косил пшеницу, не знаю. Мы, 8- и 10-летние ребята, крутили веялки, очищая зерно от трухи и соломы. Женщины и ребята постарше грузили зерно на немецкие грузовые машины. За нашей работой постоянно следил полицай. В своей черной форме и квадратной фуражке он объезжал вокруг тока (горы зерна) и смотрел, чтобы никто не насыпал себе зерно за пазуху.

Однажды он заметил, как один мальчишка насыпал себе в штаны пшеницы. «Снимай шаровары или забью!» — кричал он на него на украинском и стал хлестать его кнутом. И забил бы до крови пацана, тот с криками уже упал на землю. Но в это время подъехала машина для загрузки. Из нее выпрыгнул немец, он подбежал к полицая и сбил его с коня, а мальчишку поднял и увел к себе в кабину. Вытер там с него кровь и каким-то лекарством смазал раны.

Недалеко от нас, где-то в полях садились немецкие самолеты, так называемые «рамы». Они так сильно



гудели — просто ужас. Сюда привозили военную технику. А отсюда, с кубанских плодородных земель, увозили в Германию зерно, скот с колхозных ферм. Сколько мы работали на полях под надзором полицаев, не знаю. Но пока немцы не вывезли весь урожай до начала дождей, мы там, в поле, и ночевали.

Да, немцы все рассчитали, прежде чем оккупировали плодородные земли Кубани. И слова нашего полководца Суворова «Солдат должен быть сытым» для них имели большое значение. И поэтому немцы кормили как следует свою армию и с местными крестьянами по сравнению с полицаями вели себя очень хитро. Ведь им нужны были рабочие руки, которые кормили бы их армию, а значит, и страну.

Немцы планировали остаться там навсегда и не создавали себе вредителей. В каждом сельском дворе был скот: коровы, свиньи, куры, гуси. Разбиты огороды. Все это — продовольствие для немцев на длительный срок. А так как немцам надо было где-то жить, то и все хаты в станице были нетронутыми. Когда немцы подходили к какому-нибудь дому, они





стучали палкой по калитке. Выходила хозяйка. Они показывали ей палец и изображали, как летает птичка, и это означало, что она должна им вынести одну курицу.

Когда закончились работы в полях, люди наконец смогли заняться своим хозяйством. Мальчишки и девчонки стали на лодке плавать за хворостом, заготавливать на зиму дрова. Наша семья жила на квартире, у хозяйки. Ее сын был моим ровесником. Звали его Ярик. По соседству проживал Боря Спиридонов. Мы втроем плавали на лодке в лес за дровами. Через какое-то время в лесу к нам подошли трое мужчин и стали спрашивать о немцах: сколько их, в каких домах живут — и строго-настрого приказали нам никому об этом не говорить. И мы честно молчали. Это были партизаны. После первой встречи партизаны попросили нас прийти завтра и принести соль, трут и кресало (трут — это вата, пропитанная золой подсолнечной ботвы; кресало использовали вместо спичек). Трут и кресало мальчишки выпросили у своих матерей, а вот соли ни у кого не было. Все применяли в пищу прошлогодний рассол от соленых огурцов или помидоров. Вскоре матери запретили нам ходить в лес и пользоваться

лодкой. Но мы все равно втихаря бегали туда и общались с партизанами, и очень этим гордились. Как-то раз партизаны стали уговаривать Борю пригнать лодку и не говорить об этом матери. Вечером мы подплыли, как и договаривались, в назначенном месте нас уже ждали трое мужчин и мальчик лет пяти-шести. Одет он был в рваную фуфайку. Лицо мальчика было красным и опухшим от укусов комаров. Партизаны попросили нас отвезти его в детский дом и сказали, что мальчик говорить не может, повторяет только свое имя — Гена. Оказывается, они нашли его в лесу. Мать его погибла во время бомбежки, а он выжил. В лесу тогда было много убитых. На куске газеты партизаны написали его имя и фамилию, которую они придумали сами: Гена Найденко. Мы с Яриком привели Гену к нам. Наши мамы испугались и сильно ругали нас за это. Оставлять мальчика в хате никто не хотел, и его отвели в детдом. Мы сказали, что нашли его в лесу, когда ходили за дровами. Гена все время молчал и только плакал. О дальнейшей его судьбе мне неизвестно. У нас было много своих проблем. Мы на тот момент поменяли уже третью хату. Такая большая семья, как наша, была никому не нужна.

В конце 1942 — начале 1943-го, ночью зимой немцы неожиданно покинули нашу станицу. До самого утра не было ни одного выстрела. Слышно лишь было, как по центральной шоссейной дороге жужжат машины и тархтят танки, направляющиеся в сторону Краснодара и Сталинграда. К утру все стихло, никто не выходил из своих домов. Все боялись обстрела и бомбежки. Весь день и еще несколько дней было тихо. Потом пришли наши. И нашей радости не было предела. Все — и дети, и взрослые — плакали и целовали друг друга. У меня до сих пор перед глазами эта картина.

Теперь обход дворов делали наши. Они искали пособников фашистов, полицаяв. Дело в том, что при отступлении немцы полицаяв с собой не брали. А тех, кто просился и пытался залезть в немецкие машины, немцы же и расстреливали.

Сколько наши выловили полицаяв, я не знаю. Но хорошо помню, как поймали одного и повесили на базарной пло-



щади. Висел он в своей черной форме и квадратной фуражке долго, пока голова не оторвалась от туловища...

Всю войну и вплоть до 1947 года учебы в школах нашей станции не было. В 1947-м мы все — переростки — были определены в вечернюю школу. В 1953 году я окончила семь классов вечерней школы и уехала в город Ташкент, к родной тете. В 1954-м вышла замуж за Громова Петра Александровича — ленинградца, блокадника и уехала с ним в Ленинград. Всю жизнь я трудилась. С 1955 по 1957 гг. работала на ткацкой фабрике им. Дзержинского. С 8 февраля 1958-го — на шинном заводе, в объединении «Красный треугольник». Мой непрерывный стаж на этом заводе — с 1958 по 1984-й. На пенсию вышла по льготной категории вредности, так как работала на химическом производстве. И за этот добросовестный труд я получала награды и ордена.





Я – вторая слева

Зельма Августовна ЕГОРОВА

Когда началась война, мне было 17 лет. В ночь на 22 июня я работала. После смены вышла на улицу, подошла попить газированной водички, а мне говорят: «А вы знаете, что война началась?» Я была в шоке. Думала: «Как же так? Ведь между Россией и Германией был заключен мирный договор! И вдруг немцы напали, и уже даже бомбили Киев». Когда я приехала домой, все мои еще спали. Был выходной. Я сказала им: «Здравствуйте! Война началась. “Радуйтесь”». Все так расплакались! Пришли наши соседи, мы с ними посидели, поплакали.

Рабочих с нашей фабрики все время посылали на окопы. На окопы под Ленинград нас, молодежь, и женщин отправили 25–26 июля. Работали мы там десять дней. А потом нас отпустили домой отдохнуть, помыться. Но отдых наш продолжался недолго, дня через три — снова на окопы.



Во время работ нас постоянно бомбили. Помню, как однажды только мы сели обедать, как вдруг в столовую ударил снаряд. В стене образовался пролом. В него я и кинулась бежать прямо с тарелкой в руках. А остальные побежали в дверь.

Сейчас эту картину представить невозможно. Помню, как нас обстреливали в деревне Алексеевка. Мы бежали в сторону Ленинграда и встретили моряка. Он бежал нам навстречу и сильно кричал: «Почему народ здесь? Отсюда всех выселять надо! Сейчас немцы придут сюда! Сейчас будет нападение! Это артподготовка!» Все бежали, не разбирая дороги. Выглядело это все и страшно, и нелепо. Мы — нас было четыре девчонки из лаборатории — даже смеяться начали. Вот женщина бежит, упадет, сядет на коленки, голову прижмет, прикроет лопатой и лежит — нам и страшно и смешно, глядя на весь этот ужас. Снаряд со свистом летит, и ты не знаешь, куда он ударит. А все бегут, бегут.

Нам удалось спастись. После этой бомбежки, чтоб добраться домой, нам пришлось идти лесными дорогами до Копорья, а оттуда уже на поезде до Ленинграда. Везли нас в город всю ночь.

В Ленинграде мы пробыли недолго. Вскоре нас снова отправили на оборонительные работы, на этот раз в село Горелово. Фашисты уверенно подступали к городу. В это время они уже были в Красном Селе. Мы видели, как идут танки. В Горелове мы должны были рыть окопы. Но делать это, находясь практически постоянно под обстрелом, было невозможно. Спасаясь от бомбежек, мы постоянно разбегались врассыпную. И в итоге бежали домой. Часто мы наблюдали за тем, как немецкие бомбардировщики летели на Ленинград. Нашим алюминиевым «ястребкам» справиться с ними было очень трудно. Не раз на моих глазах наши самолеты падали, попадая под пули неожиданно появившегося «мессершмитта». Первое время было очень страшно, а потом мы привыкли. Решили, что как будет, так будет.

Хорошо помню, как однажды над Ленинградом вдруг поднялась огромная туча черного дыма. Это бомбили город. Немцы хорошо знали, куда бить. И поэтому 8 сентября уничтожили

Бадаевские склады. Город остался без продовольствия.

Без какого-либо запаса продуктов осталась и наша



семья. Буквально перед разгромом Бадаевских складов мама отдала сухари приходящей молочнице, а потом сильно по этому поводу горевала. «Доченька, что я наделала! — опомнившись, причитала она. — Твой хлеб, который шел мне по карточке, я все время сушила. А пришла молочница, я поглядела: у меня сухари стали как бы плесневеть, и я их отдала!» Но дело было сделано, оставалось по этому поводу только горевать.



Зельма Августовна с внуком

В ноябре 1941-го нас отправили рыть блиндажи в Купчино. Было очень холодно! Как зимой. А одеты мы были легко. Тогда у нас и одежды такой теплой не было, жили ведь небогато. На тех работах я очень замерзла и простудилась. Пока поняла, что заболела воспалением легких, успела поворожить лопатой. Меня послали копать яму. Пока я в таком состоянии выкопала метр глубины, на улице стемнело. Посмотрела по сторонам — никого. А мне — плохо. Пешком одна кое-как я дошла домой в Ленинград.

Я проболела целый месяц. Старшая сестра пошла вызывать мне врача на дом, но мы его так и не дождалась. Честно говоря, я даже сейчас до конца не уверена, что моя сестра действительно его вызвала. Думаю, что она не захотела стоять в большой очереди или замерзла и ушла, а дома сказала, что сделала все как надо. Она у нас вообще сама себе была хозяйка и не очень-то о нас переживала.

Врач не пришел. Что же мне оставалось? Только бороться. Когда я стала поправляться, передвигаться со стулом, решила отправиться на фабрику. Идти мне пришлось далеко: с Фонтанки до Обводного канала, на Лифляндскую улицу. Я боялась, что меня посадят в тюрьму за от-



сутствие на работе, когда я болела. Получалось, что я прогуляла целый месяц. Но по моему лицу все и так можно было прочитать без объяснений. На работе девушка-лаборант, которая встретила меня, так и сказала: «Я вижу, как ты выглядишь». Назад, домой я еле дошла и уже думала, что умру, и снова слегла. Слегла и мама. Альку, маленькую сестренку, стало сводить судорогами. Она все время просила есть и ела соль. Было ей тогда 13 лет. Мы трое довольно долго были прикованным к постели. На ногах держалась только моя старшая сестра Берта. Но она, как это ни странно, не желала нам выздоровления. Я знала, что она всегда была себе на уме, но, тем не менее, я никогда не ожидала от нее такой черствости. Помню, как она пришла из магазина с хлебом, а вслед за ней к нам заглянула соседка со словами: «Сейчас, в декабре, умирать стали. Как бы у вас тут кто не умер!» И тут сестра ответила: «Все передохнут! Одна я останусь!» Эти слова я не могу забыть по сей день. Мне было так обидно!

Когда открыли Дорогу жизни, нам дали по 50 г сливочного масла. Оно-то нас с мамой и Алькой и поддержало. За маслом в магазин пошла Берта. Те кусочки, которые она принесла, мы поделили между собой на четверых поровну. Но все же, я думаю, что и здесь она пошла на хитрость и по дороге домой, видимо, съела свой кусок масла. Потому что после того, как она съела масло дома, ей было так плохо, ее кишечник так отреагировал дистрофическим поносом, что мы испугались за ее жизнь.

Когда мне стало лучше, я попыталась встать. Взяла стул, чтобы опираться на него, стала ходить. Хотела вынести ведро с помоями и увидела, что дом напротив нашего разрушен. Наш тоже был не в идеальном состоянии — стекла выбиты, поэтому окно мы прикрывали фанерой и завешивали одеялом. Но это нас не сильно спасало, все равно было холодно. Хорошо, что у нас еще были дрова, купленные мамой летом до войны. Ими мы топили все время плиту.

В конце февраля я решила устроиться в больницу санитаркой. Но для этого надо было отработать 10 дней бесплатно, то есть без карточки. Это была проверка, смогу я работать или нет. Мне приходилось мыть пол в темных и



холодных коридорах. Через 10 дней я пришла в отдел кадров с надеждой, что меня возьмут, и я получу карточку на 200 г хлеба. Но мне там сказали: «Деточка, нам нужно выносить покойников, раненых. А ты сама еле живая. Мы не можем тебя оформить. Хочешь, я посажу тебя охранником в контору? Будешь получать 200 г хлеба и деньги». Я, конечно же, согласилась. Потому что для нашей семьи это было большим подспорьем. Ведь дома лежачими были мама и Берта. Помню, как они постоянно ругались и обзывали друг друга. До такого состояния их довел голод. 23 апреля умерла старшая сестра. Перед смертью она просила есть, а потом стала просить у нас прощения. Глядя на то, как она мучается, я сказала маме: «Мама, Берта умирает!» И в ответ услышала фразу, от которой мне стало плохо. «Черт с ней! Змеи не будет!» — сказала мама... А 6 мая 1942 года умерла и она. И остались мы с Алькой одни.

Когда наши дрова закончились, мы ходили по улице и собирали все, что можно было использовать в качестве топлива. В один из вечеров вслед за мной выбежала Алька. «Я не буду оставаться дома! Пойду с тобой!» — кричала она. Я взяла ее с собой, а когда мы вернулись, то увидели, что наша дверь открыта, а карточек хлебных нет...

Тогда многие шли на воровство и хитрость, чтобы выжить. Например, по соседству с нами жила женщина с двумя детьми. Мы часто слышали их голоса, а через некоторое время соседка стала как-то странно себя вести, перестала нас пускать к себе домой, а вскоре у них в квартире и вовсе воцарилась тишина... В мае на площадке в парадной появился специфический запах, и соседка вынуждена была сдать тела своих детей. Больше она не могла получать на них карточки...

Когда у нас украли карточки, продержаться нам помогла лебеда. Тогда я работала по 12 часов через день, и в свободные дни мы с сестренкой ездили на трамвае за Володарский мост. Там находилось огромное заминированное поле, которое охраняла женщина с винтовкой. Но мы были такие хорошие, что она нас пускала на него, и мы собирали лебеду. «Девочки, смотрите проволочку не заденьте!» — говорила нам она. Мы собирали траву и наедались досыта.



А потом я решила продать лучшие туфли, которые у нас только были, и пошла к магазину «Филипповская булочная», который находился на пересечении Садовой и Майорова. Я стояла на углу, и вдруг нас, таких же, как я, торговцев, окружила милиция и отвезла в третье отделение на Садовой. По дороге я увидела соседку и попросила ее передать Але, что меня забрали. Через некоторое время в дверях отделения появилась моя сестра: худая как скелет, ноги тонкие — одни кости, с раскрытым ртом, она редела во весь голос. Милиционер, который до этого все время молчал и пытался сохранить на лице строгость и невозмутимость, увидев эту картину, закричал мне: «А ну-ка, уходи отсюда! Чтобы я вас больше не видел! Я смотреть на вас не могу!» Так мы пережили май, а потом нам дали карточки.

Я очень боялась, что сестренка умрет. Что мне без нее делать? Поэтому мы решили эвакуироваться в июле. 10 июля я отработала, а вечером, после работы мы поехали на Финляндский вокзал. А оттуда до Ладоги. В дороге нам дали котелок каши, заваренной из пшеничной муки. Жуть как хотелось есть, но одна медсестра нам сказала: «Не ешьте все сразу. Лучше по две ложки через час. Не надо наедаться, иначе умрете». Мы так и сделали. Алька, правда, постоянно ныла и просила кашу, но я все равно не давала. Соседка по вагону все говорила: «Дай ребенку перед смертью поесть». Но я была непреклонна и ответила: «Я везу ее не для того, чтобы она умирала. Я везу ее, чтобы она жила».

До Ладоги мы добирались целую ночь, а там нас посадили на баржу с катером и куда-то повезли. Мы были настолько уставшими и вымотанными, что уснули и даже не слышали, как нас бомбили. Когда катер все-таки добрался до берега, все удивились, увидев нас живыми, потому что во сне мы даже не шевелились, и все решили, что мы умерли. С собой у нас был небольшой чемоданчик, пальто, подушка и одеяло. На всякий случай. Куда нас везли, туда мы и ехали. А куда ехать, нам было все равно. Загрузили нас в эшелон и отправили в Башкирскую ССР. Но, когда мы доехали до Свердловска, нам сказали, что мы поедем дальше, в Сибирь. Довезли нас до самого Бийска, в село Загайново.

В деревне к нам относились как к музейной редкости. Все село приходило на нас смотреть — ленинградцы эвакуированные приехали!

Сначала целый месяц мы приходили в себя после голодной жизни, а потом я устроилась работать в колхоз. Там я получала больше хлеба. Сестренку тоже можно было определить в колхоз, но она заупрямилась: я не могу и все. А я ее уговаривала, потому что, когда мы ездили работать в степь, нас кормили лапшой.

Мы ездили на санках, привозили дрова, сено, а за это нам платили картошкой. Так что зиму мы худо-бедно, но пережили. А потом я написала письмо на мамину родину, тете. Описала, как мы тяжело живем, и она нам прислала 450 руб. Я на эти деньги купила картошку. Разрезала ее пополам, макушки сажала, а из остатков — варила суп. Однажды зимой, когда мы возили сено, по дороге в село я встретила ту самую соседку по поезду, которая советовала мне накормить Альку. Альку, которая стояла рядом со мной, она не узнала и спросила: «А сестренка-то твоя умерла?» — «Да вот она, со мной рядом стоит», — говорю я. Вот как сильно изменилась Аля: поправилась, разругалась на морозе. Совсем другой стала.

Сейчас, спустя много лет, хочу сказать спасибо российским женщинам! В тяжелое для нас время они нам старались помочь, жалели, давали нам обувь, одежду, валенки. Я этого никогда не забуду.

Вернулись мы в Ленинград после его освобождения. И были этому очень рады. Сибиряков приехали вербовать на восстановление города, и я завербовалась. Но нас с сестрой из Сибири не выпустили, сказали, что мы враги народа, так как по национальности латыши. Но я не отчаивалась и печаль свою старалась не показывать.

Я хорошо пела, и директор местной школы взял меня на работу. К тому времени я в колхозе трудиться уже не могла, потому что у меня заболела и распухла рука. Работала я в педкабинете, писала школьные пособия, печатала необходимые документы.

Но с переводом этого директора в другую школу пришлось уйти и мне, потому что новый директор мне предложил место уборщицы. А так как у меня была больная рука, то мне пришлось уволиться. Но я вела актив-



ный образ жизни, выступала с песнями, меня многие знали. И одна из знакомых устроила меня секретарем в Беловский совхоз. Кроме того, я еще работала в клубе. Сестренка моя устроилась поваром. Так мы прожили год, а потом я Алю уговорила переехать в Барнаул. В совхозе мы жили неплохо, не голодали. Но одеть сестру мне было не во что. К тому же во время уборки сена у нее сгорело пальто. Носить было нечего. И вот однажды в деревню приехала девочка из Барнаула. Она очень хорошо выглядела, была хорошо одета. И я тогда сказала: «Аля, поезжай туда». А она мне: «Если я туда поеду, считай, что я тебе не сестра». «Бог с тобой, — сказала я. — Не считай меня сестрой, но езжай в Барнаул». И она уехала. Увиделись мы с ней только на зимних каникулах, она приехала такая довольная: у нее была и ушанка, и валенки. У меня прощения попросила. Я в совхозе прожила еще зиму, весну, а летом, когда засыпали зерном клуб, взяла расчет на работе и отправилась в Барнаул. Прожила я там два года и вернулась в Ленинград. Это было в 1948 году. В Ленинграде я смогла устроиться только уборщицей в институте Бонч-Бруевича. Вскоре я пошла на курсы, а потом устроилась на армобетонный завод автоклавщицей. Я следила за временем, которое трубы, завернутые в специальную пену, проводят в автоклаве и парятся.





Тамара Александровна ИВАНОВА

Мне, как и большинству маленьких детей, чье детство пришлось на военные годы, мало что помнится о том времени. О многих событиях уже после войны мне рассказывали мои родственники. Но все же кое-какие моменты остались в моих воспоминаниях.

Когда началась война, мне не было и года. Я родилась 10 июня 1941 года. Наша семья была тогда в Ленинграде, а в конце сентября — начале октября папа решил вывезти нас к маминым родителям в Строганово. Когда мы туда приехали, там уже были немцы. Так что обратно дорога была ими перекрыта, и мы до сих пор не знаем, что стало с папой, удалось ли ему добраться до города или он погиб в пути. О нем нам известно только то, что он пропал без вести.

В Строганове мы жили у бабушки с дедушкой. У них была своя семья: дочь 1924 года рождения, сыновья — 1930-го и 1932-го годов рождения. Какое-то время еды хватало всем, хорошо спасали запасы. Огородик опять же был. А потом и этого стало мало. Мама с тетей Ольгой Ивановной ходили под Псков менять вещи на картошку, пшеницу.

Через некоторое время нас стали эвакуировать немцы. Они хотели перевезти нас работать в Германию и погрузили в товарные вагоны. Сначала привезли нас в Литву и за колючей проволокой разместили в каком-то бараке, в котором бегали большие голодные крысы. Держали нас там около месяца, кормили чем попало. Но нам очень помо-



гало местное население. Через месяц нас снова погрузили в «телятники» и отправили в Германию. Там мы жили в районе Ганновера у местного фермера или бауэра (как его называли), который занимался выращиванием сахарной свеклы. Нам повезло, наш бауэр хорошо нас кормил и не обижал. Притеснений на хуторе не было. Мама с дедушкой могли даже в город за продуктами ходить. Дедушка хорошо владел немецким языком. Жили хорошо, но вернуться домой хотелось всегда. Как говорил дедушка: «Родина есть Родина».

В поместье работали все, кроме меня и младшего маминого брата 1932 года рождения. Он присматривал за мной и пас гусей, индюков, которые меня частенько трепали за подол. Бывало, старшие ребяташки индюков надразнят и убегут, а индюки меня поймают и треплют. Из-за этого я часто плакала и постоянно ходила с тросточкой, но отогнать мне их было сложно, потому что я сама был как тросточка. Индюки и яблоки — все, что я хорошо помню из той жизни. У бауэра в саду росли яблони с красными яблоками, которые на зиму опускали в подполье. За этими яблоками мы всегда охотились. Помню, как меня, маленькую старшие ребяташки в это подполье опустят, а я им оттуда яблоки бросаю. Они услышат, что хозяин идет, и — врассыпную, а мне — бежать некуда.

Среди нас были и поляки, и русские, я до сих пор помню их имена. Мы жили так дружно, что не делились по национальному признаку, все были одинаковые. Помню и имена сыновей хозяина: Юлис и Федерик (или Фредерик). В отличие от меня они очень плохо ели. А так как у меня всегда был отменный аппетит, то меня в пример им сажали обедать за хозяйский стол.

Прожили мы там до 1945 года, пока нас не освободили американцы. Родители рассказывали, что перед освобождением в воздухе словно что-то витало, все чувствовали, что что-то должно случиться.

После штурма мы получили долгожданную свободу и, конечно же, захотели вернуться домой. Хозяин нам предлагал остаться, говорил: «Купим вам вагон, вы поедете, как господа». Но мой дедушка, который в 1914 году побывал в плену, был непреклонен и сказал: «Надо удирать, пока отпускают», и был прав, потому что потом уже вернуться можно было



через обмен пленными. И поэтому мы послушались деда и удрали оттуда. Возвращались мы, как мне рассказывали, с приключениями. Идти приходилось в прямом смысле по трупам. Бои велись за каждый метр города, поэтому знаменитая Эльба, через которую нам пришлось перебраться, была полна мертвых тел. Через реку было сооружено подобие мостика, по которому можно перебираться на другую сторону: брошены доски и к ним приделаны с одной стороны перила. Мы кое-как прошли по этому мосту, дедушка нес меня на руках и к тому же за руку вел маму.

В Ганovere мы сели в товарный вагон и на родину прибыли только в начале августа. Около месяца стояли в Польше. Чтобы не умереть от голода, ходили, побирались. Приехали и начались наши хождения по мукам. В Ленинград мы так и не попали: наш дом был уничтожен, о судьбе отца ничего неизвестно. Жить нам было совершенно негде, дедушкин дом был сожжен партизанами во время отступления. Мама, заболевшая еще в Германии, умерла. Жить приходилось то у одного дядюшки, то у другого... Война закончилась, а мои мытарства еще долго продолжались. Несмотря на то, что в школе я училась хорошо, меня не приняли в комсомол. Потому что мы, насильно угнанные в Германию, были объявлены врагами народа. Дядюшку моего, который много лет отработал в Военно-медицинской академии, в партию тоже не приняли.

О своей судьбе мы старались не говорить вплоть до 90-х годов. Нам долго не могли дать подтверждение о том, что мы находились на чужой территории не по своей воле. Только Германия откликнулась на мой запрос и через два года прислала конверт с документом, в котором были указаны все поименно, кто работал, кроме нас с Леной — маминого младшего брата 1932 года рождения, потому что мы с ним были маленькие и не работали. Информацию о нас нашли только в военном архиве на Варфоломеевской, и то с третьего раза. И сейчас нам, таким, как я, пенсию как узникам не дают. Нас даже не поздравляют. О нас на концертах — ни слова.





Роза Александровна КОМЛЕВА

Я, Комлева Роза Александровна, в девичестве Смирнова. Родилась 8 декабря 1936 года в семье Смирнова Александра Ивановича и Быстровой Валентины Васильевны в городе Ветлуга Горьковской области. До Великой Отечественной отец работал в пожарной охране, а мать на водочном заводе. Меня устроили в детский сад. Когда началась война, отца взяли на фронт. Мы с матерью остались одни. Жилось очень трудно. Мы, дети, ходили собирать щавель, грибы, ягоды в лесу за рекой Ветлуга. Вскоре в городе появились раненые, которых привозили на реабилитацию после ранений. В основном это были танкисты. Они располагались в роще за рекой. Нас водили к ним воспитатели, и мы перед ними выступали с песнями и танцами, читали детские стихи. Особенно им нравился танец «матрёшек». Мы в ярких костюмах действительно были очень на них похожи. Раненые бойцы нас угощали сахаром, который им давали как больным. Наверное, мы им напоминали своих детей, которые у них остались дома и по которым они очень скучали.

От отца долго не было писем, хотя мама посылала запрос. Через какое-то время мы узнали, что он воюет под Ленинградом, но вести от него так и не приходили.

Тогда делалось все для фронта, все для победы, и поэтому нас, 7–8-летних детей, стали посылать на прополку свеклы, моркови и других овощей. Нам было тяжело, но мы старались думать, что своим трудом помогаем нашим бойцам стать сильнее и здоровее и победить Гитлера.

Через некоторое время в нашу семью пришло горе. Мы получили известие, что отец был тяжело ранен, защищая город Ленина (Ленинград) и умер от ран, а похоронен на Пискаревском кладбище. Мама решила поехать в Ленинград. А для этого надо было записаться на восстановление города, что она и сделала.

И так 9 мая 1945 года мы приехали в послевоенный город и прожили 3 дня на Московском вокзале. А потом мама устроилась на завод «Красный выборжец». Жить мы стали в общежитии на пр. Мечникова — в 146-й школе, на 4 этаже, там у нас с мамой была одна кровать на двоих. Все продукты тогда выдавались по карточкам (хлеб, крупы, сладости). Этого не хватало. Хлеб приходилось покупать. Мама давала мне 30 рублей, и я ходила к больнице Мечникова, к ларьку, у которого можно было за деньги купить хлеб (его продавали студенты, которым присылали продукты из деревни), и просила: «Тётя, не продадите ли хлеб?» Иногда удавалось купить. Часто с ребятами ходили к Пискаревке, потому что там находилось овоще-



Ленинградские дети в бомбоубежище во время налета немецкой авиации



хранилище, где картофель и морковь хранили в земле. Их раскапывали и увозили, а мы собирали мороженный и не всегда крепкий картофель, мыли его, и мама пекла драники.

Я скучала по отцу и ходила к его могиле на кладбище. Помню, что сначала на Пискаревке были отдельные могилы, а потом, при создании мемориала, она оказалась в общей — 1943 года.

Послевоенная жизнь постепенно налаживалась. За отца я стала получать пенсию, маме дали 10-метровую комнату в поселке Бернгардовка. Там я закончила 10 классов и поступила в Педучилище им. Некрасова. Жили бедно, так как заработок был небольшим, да и пенсии не хватало.

После окончания педучилища я устроилась в начальную школу № 134, а потом перешла в 126-ю. Вечером училась в институте, закончив который стала преподавать историю. На уроках и вне классной работы я старалась ребятам как можно больше рассказать о Великой Отечественной войне. Поэтому мы с моими учениками ходили в походы по местам боевой славы, посещали могилы погибших воинов, возлагали цветы и венки. В школьном музее 228-го артиллерийского полка мы каждый год устраивали встречи с ветеранами. За эту работу я получала грамоты, а потом получила почетное звание «Отличник народного просвещения». Некоторое время возглавляла «Музей боевой славы 228-го артиллерийского полка».





Элеонора Петровна МАНИКОВСКАЯ

Я жила на ул. Союза Связи, напротив почтамта, в доме № 14. Это был ведомственный дом от Почты России. Мама работала телеграфисткой в Институте растениеводства, который находился на Исаакиевской площади, напротив немецкого посольства. Однажды, сидя у окна, которое выходило прямо на посольство, она сказала: «Что-то такое странное творится». «Что там такое? Ремонт что ли начали делать?» — спрашивала себя мама, глядя на то, как в его кабинетах бегали, сутились и собирали документы. Всё это происходило до 22 июня. Немцы, видимо, уже знали, что начнется война, и собирали свои пожитки.

Мне тогда было 10 лет, но я была такая маленькая, что в школу меня не брали. Мама меня оставляла у соседей. Это была семейная пара с двумя детьми. Жена соседа не работала, так как её муж, дядя Володя, регулярно ездил в командировки, возил письма на Дальний Восток.

В январе нас с мамой от института эвакуировали из Ленинграда через Ладогу. Подробностей тех событий уже не помню. Помню только, как мама по дороге закрывала меня собой и как сели в товарный поезд, в «телячьи» вагоны, который довёз нас до Уфы. Было такое ощущение, что нас загрузили в только что очищенный от навоза вагон.



Вместо нормального туалета в этом вагоне была дырка в полу. Не знаю почему, но мне эта деталь сильно врезалась в память. До Уфы, где жили родственники моего отца, мы добирались в течение месяца. Я хорошо помню, как нам первый раз принесли еду — суп из перловки с зеленым луком в железных мисках. Вкус этого супа я запомнила на всю жизнь. Ничего вкуснее не ела!

В Уфе заселились к моей тётке, которая еще в Ленинграде вышла замуж за грузина. После свадьбы его отправили в Башкирию строить завод по изготовлению моторов для самолетов и поселили в деревне в деревянную избу. Вот в эту избу мы и подселились. Наши родственники приняли нас хорошо. Вскоре к нам присоединилась другая родня — приехали мамина сестра с двумя сыновьями и моя бабушка (мамина мама) из Великих Лук, потому что и туда добрались немцы. На границе с Белоруссией проживала моя младшая тётка с мужем. От фашистов они хотели бежать в Великие Луки, но, когда поняли, что дорога туда закрыта, им тоже пришлось ехать в Уфу. Жили мы все в одной комнате метров пятнадцать: тётка Лида, Витька, Лёнька, бабушка Ольга, дядя Коля, Мария, мама и я. У тёти Лиды был маленький, девятимесячный сын Борька. Всего в доме было три комнаты. Спали на деревянных топчанах. Я — на сундуке, в комнатке с бабушкой. Дядя Коля работал на заводе главным механиком, а Мария — в заводоуправлении. Всего (вместе с хозяевами) в этом доме нас проживало одиннадцать человек.

Еды не хватало, поэтому чувство голода не покидало нас никогда. Но нам ещё повезло, у нас была крыша над головой. А местным татарам приходилось жить у обрыва в специально вырытых землянках. Впрочем, позже нас к ним даже отправляли собирать картофельную шелуху. Мы ее намывали, сушили, мололи в деревянной ступке пестиком и ели. Рядом проходила железная дорога, за которой располагалось колхозное поле. Помню, как однажды мы услышали крик детей: «Корову зарезал поезд!» — и все кинулись к этой туше, чтобы чего-нибудь от нее утянуть. Мы увидели валяющуюся коровью голову, обрадовались и хотели ее отнести домой, но справиться вдвоем с такой тяжестью не смогли. В результате её у нас отняли взрослые! Помню,



как какая-то женщина ходила вокруг останков животного и собирала то, что осталось, в том числе и кровь.

За железнодорожными путями простиралось поле турнепса. Мы всей семьей ходили туда и собирали то, что оставалось после сбора урожая: хвостики от репы, листики, в общем, всякую мелочёвку, а потом варили из этого суп.

У моей мамы было красивое янтарное рижское ожерелье, подаренное близким человеком. И вот однажды в воскресенье она пошла на базар в Черниковке (районе, расположенном в северной части города Уфы), чтобы что-то купить. А на что? Все мои ленточки для волос были уже проданы, выменяны на картошку и хлеб у местных. На базаре к маме пристала одна башкирка (или татарка — не помню уже точно) и стала выпрашивать украшение: отдай, да отдай. В итоге мама вернулась домой без украшения, но с мешком картошки.

Пищу мы готовили в медной кастрюле. Бабушка варила щи из травы и крапивы — было очень вкусно! Чтобы еды хватило всем, за стол садились все сразу. Только хозяйка, моя тётка и её муж, питались отдельно: им на заводе выдавали карточки.

Главной по нарезке хлеба была тётя Лида. Она могла нарезать ломтики хлеба тоньше карандашного стержня, прямо лоскутиками. Помню, Лёнька спать ложился и плакал: «Хлеба!». Мы все, конечно, просили, но он был самым маленьким — три года от роду. Лида клала ему ломтик хлеба под подушку, чтобы он уснул, а он по крупинке его щипал и ел. Это было ужасно!

Вскоре нам прислали приказ возвращаться в Ленинград, восстанавливать город. Мы приехали непосредственно перед Победой. По возвращении выяснилось, что наша комната занята. Проживал там некий Анохин, так как он, видите ли, был связистом на войне. Деваться нам было некуда. В результате мы полгода жили у одной знакомой, спали на полу. Мама устроилась помощницей каменщика по восстановлению печей в строительный трест на Невском пр., 1/3. Восстанавливала разрушенные дома на Невском. Работать было трудно, но зато ей давали рабочие карточки.



На Невском проспекте, возле католической церкви находилось пятиэтажное полуразрушенное здание, в котором жил обслуживающий персонал храма. В этом доме мама помогала восстанавливать печки, носила до пятого этажа на плечах козу (некое подобие лестницы), в которую грузили кирпичи. Позднее в этом здании открылось архитектурно-художественное ремесленное училище № 9 с шикарными преподавателями, вернувшимися из эвакуации. Академия художеств тогда еще не работала, и поэтому весь преподавательский состав был собран там. Предложили работать в училище и моей маме, ей пообещали место машинистки. Мне нравилось это РУ. У меня была тяга и способности к рисованию, и я хотела поступить и учиться там. Это было уникальное училище, в нем готовили краснодеревщиков, преподавали живопись, лепку, альфрейную живопись — это когда роспись ведётся по сухой, готовой штукатурке. Такой способ использовал впервые Леонардо да Винчи. Но когда управлять страной стал Хрущев, ремесленное училище, к которому я питала глубокие чувства, превратилось в ПТУ для штукатуров и маляров. Правда, такое же, но под номером одиннадцать, открыли в другом месте.

Вернувшись в Ленинград, я пошла учиться в школу № 237 у Исаакиевского собора. Историю нам преподавала сама директор школы. Она очень много рассказывала о восстановлении города, о том, каким красивым был наш Ленинград. Сама школа изнутри была декорирована потрясающей лепкой, а залы просто восхищали! Пол — настоящий дубовый паркет, выложенный шашечками. Училась я среди всей этой красоты полгода. Сейчас на одном из фасадов этого здания, где когда-то располагалась моя школа, как ее еще называли школа со львами из-за скульптур, выполненных в виде этих животных, написано: «Здесь жила Ваганова». Однажды, уже будучи взрослой и прочитав эту надпись, я вспомнила, как в школе (тогда я училась в первом классе) по кабинетам ходила некая дама в бордовом салопе. Она отбирала нас, девочек, и показывала, как надо танцевать. Только сейчас я поняла, что эта женщина и была Ваганова. Мне довелось даже выступать, исполнять танец маленьких лебедей, правда, на школьной сцене, но тем не менее...

Так как мама пошла работать в строительный трест, нам предоставили комнату в общежитии строителей на Петроградской стороне, на улице Горького, 63. Этот дом-утиг между ул. Лизы Чайкиной и Съезжинской, который когда-то был местом любовных свиданий, тоже восстанавливала мамина организация.

Помню, для переезда туда нам пришлось нанять дворника, чтобы через мост на своей телеге он перевёз все наши пожитки: диван, два стула и бра, которое сохранилось у меня и по сей день. Из школы со львами я перешла в школу № 74 и проучилась там до 10 класса. Учиться мне нравилось, но усидчивость моя хромала: я то и дело вертелась и оглядывалась с первой парты назад.

Жила я в этом легендарном доме целых двадцать пять лет, а с течением времени купила квартиру здесь — в нашем Калининском районе. Пока свою жилплощадь не купила, всё ездила в Исполком. А как можно нормально жить, если в нашей коммуналке находилось шестьдесят три человека?! Комнат было двадцать, плюс две кухни. Мне повезло: у меня была самая просторная комната — двадцать два метра. Под ней была красивая парадная лестница с большими итальянскими окнами. Сейчас там все по-другому: пробили еще один вход, квартиры сделали отдельными по две-три комнаты.

Все шестьдесят три человека (двадцать хозяев) были людьми простыми. У меня единственной имелось высшее образование — диплом инженерно-строительного института. По окончании института мне три года следовало отработать прорабом. Как строитель-архитектор на Петроградке я построила дом, выходящий на Большой проспект П.С. В нём сейчас располагается детское ателье. Пока я работала прорабом, приходилось постоянно гонять рабочих, следить, чтобы они выполняли свои обязанности, а не в карты играли. Меня они слушались, особенно после того, как я пригрозила, что не засчитаю время, проведённое ими за карточной игрой, как рабочее. История эта закончилась не лучшим образом: рабочие стали подделывать мою подпись на накладных. Через некоторое время со склада (на Пушкарской ул.), в котором хранился лес, всё было украдено. Воров с награбленным железом и арматурой ловили аж под Киевом. Это было в конце 50-х годов. Я не могла смотреть на такую грязь и по-



садила их на пять лет, хотя мне обещали и оклад прибавить, и комнату дать, но я не согласилась. Не стала это терпеть, уволилась, не отработав и трех лет.

У меня была подруга, с которой мы вместе ходили в стройкооперацию на танцы. Эта подруга мне как-то позвонила и сказала: «Нора, есть место проектировщиком». Она сама работала проектировщиком-архитектором в Гипрометизе на Австрийской площади. И я ушла в проектировщики и проработала там пятнадцать лет. А потом устроилась в «Авангард» инспектором, контролировала рабочих (он как раз в то время строился). А после осталась там в проектной группе.

В то время в округе Калининского района было болото. Причем, такое, что приходилось прыгать с кочки на кочку. И наш дом вырос первым. Путь к дому пролегал по болоту через огороды, на которых выращивали капусту. Как перейти на Кондратьевский и Полюстровский проспекты, знал лишь один старичок, живущий в домике на деревянных сваях. На Пискаревском проспекте стояли только два-три дома, построенные для военных, а кругом была вода.





Ирина Алексеевна ЧЕШНОКОВА

Я родилась 29 июля 1935 года в г. Архангельске. Прекрасно помню первый день войны. Всё взрослое население нашей коммунальной квартиры столпилось вокруг недавно купленного папой радиоприемника. Я видела только спины, но ничего не слышала. Однако понимала — случилось что-то страшное. Это чувствовалось по напряжению, царившему в воздухе, репликам людей. Когда они повернулись, я увидела на их лицах отражение тревоги, беспокойства, страха. У некоторых на глазах были слезы. Так в страну пришла большая беда.

Вскоре в городе появилось много моряков. Среди них были и чернокожие, что нас, детей, очень удивляло. Только спустя много лет я поняла, что это были участники северных конвоев, которые везли в нашу страну оборудование, машины, металлы, вооружение, а также одежду и продовольствие. Ведь первый конвой прибыл в Архангельск уже 31 августа 1941 года.

Жизнь становилась все труднее. В магазинах исчезли продукты. Чтобы «отovarить» продовольственные карточки, люди чуть не сутками стояли в очередях, ожидая, когда хоть что-нибудь привезут.



31 декабря 1941 года, в ночь на новый 1942 год, у меня родился маленький братик Витя. С самых первых дней своего существования он испытал все лишения войны.

В 1942 году начались бомбежки. Обычно это случалось по ночам. Днем дело ограничивалось объявлением воздушной тревоги. К осени налёты усилились. Практически каждую ночь наш город, который в то время на 85% был деревянным, оказывался в огненном кольце. Зрелище было жуткое.

На крышах домов дежурили члены МПВО, да и просто жильцы, которые с помощью длинных щипцов захватывали попавшие на крышу «зажигалки» и погружали их в стоявшие тут же ящики с песком. Но если с «зажигалками» еще можно было как-то справиться, то с фугасными бомбами сделать было ничего нельзя. При прямом попадании «фугаски» в деревянный дом от него оставалась лишь большая груда мусора. Часто за ночь уничтожались целые кварталы.

Нашему дому повезло — он устоял. Но многие годы в моих глазах стояло зрелище забросанного бомбами, полуразрушенного здания Лесотехнического института, где во время войны находился госпиталь. Все стекла в нем были выбиты, а из обгоревших окон свисали уцепившиеся ножками за подоконники кровати. Проходить мимо него было страшно.

Мой отец, Чесноков Алексей Дмитриевич, был в это время заместителем начальника Северной инспекции речного регистра СССР (с 1944 года — начальник). Зона действий инспекции включала в себя водные пути Архангельской, Мурманской, Вологодской и Кировской областей,



Сентябрь 1938 г.



Я с мамой. 12.05.1941 г.

Автономной Республики Коми и Ненецкого национального округа (последний в то время был частью Архангельской области). В обязанности инспекции входило, в частности, осуществление технического надзора за состоянием судов, их постройки и ремонтом, прием судов; обеспечение безопасности плавания. В условиях войны все это становилось особенно актуальным. В течение года отец несколько раз бывал в длительных командировках.

Вернувшись осенью 1942 года из очередной инспекционной поездки и оценив ситуацию в городе, он принял решение вывезти маму с малолетними детьми из Архангельска в более спокойное место. Навигация уже заканчивалась. 29 октября 1942 года последним пароходом мы отправились по Северной Двине в Котлас, а оттуда — в Великий Устюг. По дороге не удалось избежать бомбежки, но все кончилось благополучно.





Витя. Март 1943 г.

В Великом Устюге мы поселились на частной квартире. Жизнь в этом городе была гораздо тише и спокойнее. Никаких воздушных тревог и налётов, затемнений на окнах, заклеенных стекол. Все это поначалу казалось мне непривычным.

Плохо было одно — голод. Все время очень хотелось есть. Маленькому братику не хватало молока, а у мамы оно кончилось. На карточки было почти ничего не купить. На оставленные нам папой ИТРовские талоны в столовой удавалось получить половину судка жидкого супа и немного гороховой каши черного

цвета. Но этого было очень мало. Мама весь свой гардероб — платья, кофточки, даже пальто, а также серебряные ложки обменивала на рынке на молоко и хлеб. Приобрести на деньги было ничего нельзя. У Вити был рахит, затрудненное дыхание; позже появились затемнения в легких. Все это от недостатка питания и витаминов.

Местное население жило лучше нас. У многих в этом небольшом городке были домашние животные (преимущественно, козы), птица, огороды. Признаюсь, не раз доводилось воровать на чужом огороде огурец или морковку. Все это моментально съедалось.

В 1943 году я пошла в 1-й класс, который закончила с похвальной грамотой. Никогда не забуду свою первую учительницу, хотя училась у нее немногим больше года. Она была молодая, рыжеволосая, со странным именем — Евлалия Николаевна. Занималась с нами всем — не только арифметикой, письмом и чтением, но и пением, физкультурой, рисованием, играла с нами, была веселой и жизнерадостной, невзирая ни на что. Мы все ее очень любили.

Голодали, оказывается, не только мы. Зимой, в лютые морозы, в город по ночам приходили волки, которые жутко выли. В подъезде нашего двухэтажного дома жила большая



сторожевая собака по кличке «Яблоко». Однажды утром от нее наши только обглоданные кости и клочки шерсти.

Осенью тем же путем мы вернулись в Архангельск. На пароходе мы с Витей умудрились подцепить дифтерит и по приезде сразу же попали в инфекционную больницу. У меня болезнь протекала в более легкой форме, а у трехлетнего братика — в тяжелой. Но все же мы выкарабкались, хотя и лекарств-то настоящих в то время не было.

Война подходила к концу. Все чаще по радио звучали сообщения об освобождении нашими войсками городов и не только наших, но и европейских. Имена маршалов Г.К. Жукова, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского, А.М. Василевского и других были у всех на устах.

И, наконец, вот она — Победа! В ночь на 9 мая, после сообщения по радио, мама разбудила меня и сказала: «Война кончилась!» «Что же теперь будет?» — спросила я. И она ответила: «Мир!», а какой он, мир, я не знала. Забыла за 4 года.

Улицы, между тем, заполнялись людьми. Все обнимались, целовались, плакали, пели. Дети радовались вместе со всеми. Было уже светло — белые ночи на севере наступают рано. Родился новый день, описать который я не в состоянии. Это был самый большой праздник в моей жизни, самый счастливый день для всего народа нашей страны.

В 1953 году я закончила с медалью школу и поступила на исторический факультет Ленинградского университета. С 1958 по 2010 год работала в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Мой муж, Микляев Александр Михайлович, тоже закончил этот факультет. Он был ленинградцем, блокадным ребенком. В годы войны с детским садиком находился в эвакуации в Казахстане. Впоследствии стал археологом, защитил докторскую диссертацию. Работал в Государственном Эрмитаже. Скончался в 1993 году.

Обе наши дочери также работают в крупнейших музеях Санкт-Петербурга.





Вера Николаевна ДЁМИНА

Когда я впервые в своей жизни увидела куклу, она была в крови. Это произошло в доме, куда нас привели на показательную расправу с пособниками фашистов. «Если вы будете помогать немцам, вас ждет то же самое», — сказали нам и показали расстрелянную в доме семью. Убиты были все: и взрослые, и малолетние дети. Окровавленная кукла лежала на кровати, а мне так хотелось подойти и взять ее. Но мама крепко держала меня за руку и не давала двинуться с места, боясь, что расстреляют и нас. Было это на станции Дно, в деревне Сальцы.

Когда началась война, мне было чуть больше года, но воспоминания о том времени у меня сохранились. Не все, но многие моменты помню отчетливо до сих пор. Много мне рассказывала мама. Нас у нее было четверо, а в живых остались только двое: я и мой старший брат. От голода умер грудничок, потому что не было молока.

После меня у мамы родился еще один ребенок — мальчик. Умер и он. Мама положила его в коробочку и закопала. Утром пришла на могилку поплакать, а там все разрыто, и ящичка нет... Она безумно любила всех нас и очень боялась расстаться хотя бы с одним. Мама рассказывала, как

одна женщина, видя, с каким трудом ей удастся нас прокормить, уговаривала ее: «Ну сохрани ты хоть еще одного сына из четверых детей. Отдай нам дочку». А мама отвечала: «Нет». Во время бомбежки, она нас с братом прижимала к себе и говорила: «Если суждено умереть под бомбежкой, то все вместе».

Мама старалась спасти не только нас, но и чужих детей. Все знают, как беспощадно относились фашисты к баржам, эвакуирующим людей в более спокойные места. Знак красного креста их никогда не останавливал. Во время одной из переправ баржа, везущая маленьких детей, была обстреляна. Ребятишки оказались в воде, кого убило не сразу, старались спастись, барахтаясь и пытались плыть. Взрослые спасали, кого могли, подталкивали детей к берегу. Но помочь им фактически было нельзя, потому что расстреливали еще и из пулемета. Маме пришлось прикидываться мертвой, чтобы спасти детей. «Лежишь, как неживой, — рассказывала она, — и только смотришь: какой из них шевелится, какой барахтается, чтобы потом оттащить».



Советские женщины, угнанные с оккупированной территории Советского Союза немцами на принудительные работы, освобожденные из трудового лагеря в Германии.

Источник: Альбом «Фотографии Устинова А.В. 1941—1945», 1978.





Вера Николаевна справа в верхнем ряду

Помню нашу жизнь в Латвии, куда нас угнали немцы. Помню хутор, большущий дом, большущие поля. Если раньше мы с голоду умирали, то нас там хоть как-то кормили. Там я наелась так, что с тех пор на дух не переношу фасоль и соевое молоко. Когда меня, маленького ребенка, на хуторе пустили в огород, и я увидела фасоль, я накинулась на нее и ела, пока не стало плохо.

Помню, как нас гнали немцы. Мы очень долго шли пешком рядами по четыре-пять человек и в какой-то момент оказались между немцами и партизанами. Чтобы убить немцев, партизаны церемониться с нами не стали — стреляли прямо по нам. Как нам удалось спастись, для меня загадка до сих пор.

Помню хорошо, как мы жили в большом бараке и иногда из него всех выгоняли. При этом взрослых били, а детей не трогали.

Я долго не могла понять, за что. А когда выросла и спросила, мама рассказала: «Потому что в бараке не было туалета, идти нужно было далеко, а сил дойти до него у людей уже не было. Вот и получалось, что всю нужду справляли тут же, возле барака. Поднимавшаяся вонь сильно раз-

дражала немцев. Они выгоняли нас на уборку территории, били и обзывали русскими свиньями».

Из Латвии мы отправились в Старую Руссу. В Ленинград нас не пускали — мы были из оккупированной территории.

В Старой Руссе немцы отступали через Рамушевский коридор. Из-за боев не осталось ни одного дома, поэтому мы жили в окопах. Весной собирали кислицу, ходили по полям и копали картошку. Ели птичек. Воробьи совьют гнездо, снесут яйца, грачи прилетят и устроят за них драку с воробьями. Только перья летят. После птичьей битвы старший брат собирал погибших птиц, и мы варили суп. Ой, как было вкусно — не передать словами. Другого мяса ведь не было. Правда, при отступлении войска убивали лошадей. И как только бойцы уходили, на эту лошадь набрасывались беженцы и растаскивали по куску, кто как мог. Я все думала, как после войны наступят хорошие времена, и я наемся этой мерзлой картошки, а мама наделает драники.

Помню, как к концу войны мама очень плакала. Не просто плакала, а орала. Да так, что слышали все. Оказывается, она получила похоронку на отца. А в самом конце войны папа появился. Оказывается, он был ранен. Его забрали в госпиталь, а нам сообщили, что он погиб. А после ранения его отпустили, и он нас нашел. Я хорошо помню радость, какую мы все испытали, когда он вернулся.

В Ленинград мы вернулись в конце 1945-го. Папа был уже здесь, здесь же были две его сестры и мама. Первое время все вместе мы жили в подвале одного из домов на Лесном проспекте. А когда папа пошел на стройку, ему дали комнату в общежитии. Там, где она когда-то была, сейчас находится городская телефонная станция, это на ул. Некрасова, второй двор направо. Тогда у каждого появилась своя кровать, белое белье. Но голодали мы по-прежнему, и если находили картошку, то очень радовались и несли домой маме. Через некоторое время папе дали комнату напротив цирка, на углу Косого и Соляного переулков, на четвертом этаже. 12 метров — на четверых. Так как мама с папой работали, то за хлебом ходили мы с братом. Карточки надо было крепко держать в руках, чтобы их никто не выхватил по дороге в магазин. На четверых давали 2 кг хлеба и маленький до-



весок. И этот кусочек надо было сразу хватать, пока кто-то другой не сделал это у тебя под носом. Приходишь домой, и притронуться к буханке не имеешь права. А довесок я съедала по пути домой, как будто его и не было вовсе.

В 1947 году отменили карточную систему. Я тогда еще не ходила в школу, хотя мне было 8 лет. А в школу не ходила, потому что нечего было носить: не было ни школьной формы, ни обуви. Мама покупала ткань и шила руками.

А когда я все-таки пошла учиться, то ходить приходилось в маленьких холодных мужских ботиночках. Учительница зимой говорила: «Как по радио услышите, что на улице 25 градусов мороза, в школу не ходите». А мы и так не ходили, мы — бежали. Потому что ноги примерзали.

У нас до 4 класса формы в продаже не было. Кто что мог, тот то и носил. Зато у нас были чудные учителя. Училась я в 196 школе на Моховой, окончила там восемь классов.

Первые послевоенные годы были голодными. Ни о чем другом, как о еде, мы не мечтали. Помню, мама даст денег, трехлитровый бидончик для соленых огурцов. Бежишь, покупаешь эти зеленые соленые огурцы, дома картошку сварить в мундире (именно в мундире, чтобы лишнего не срезать с кожурой), стукнешь по вареному клубню деревянной толкушкой — он развалится в разные стороны. Ты еще горячую картофелину — в рот, а следом огурчики соленые — вкусно, не передать! И так было достаточно длительное время, не только в первые годы после войны. В Ленинграде жилось тяжело.





Анна Захаровна ВОЙТЕХОВИЧ

Я родилась 7 января 1938 года. Когда началась Великая Отечественная война, мы жили в Великих Луках. Было очень страшно. Взрослые спали все одетыми. Мама и соседка не спали, так как караулили, чтобы нас не подожгли. Родители под домом зарыли свои пожитки. Родители, да и все наши соседи, думали, что когда все закончится и немцы уйдут, а мы вернемся, то у нас хоть что-то останется. Жителям, у кого были лошади, было легче, они могли уехать и кое-что с собой прихватить.

Однако когда началась бомбежка, то первая же бомба попала в это место, и все, что было припрятано — сгорело. Дом сгорел не только у нас, сколько всего домов — точно не знаю. Когда наш дом горел, было очень светло.

Вскоре немцы погрузили нас в «телячьи» вагоны и отправили на работы. Привезли нас в Ригу. В распределителе, куда я попала вместе с родственниками, было много народу. Нам было легче, потому что каждый приносил какую-нибудь еду, и мы питались вместе. Тем людям, кто были по одному, было тяжелее, особенно детям. Они постоянно кричали: «Есть хочу». Кормили нас в основном невкусной баландой. Но голод не тетка. Бывало, пока ложки принесут, её через край уже всю и выпивали. Я помню, что в распределителе вместо питья для воды стояла бочка с кофе.

Мыли нас по интересному. В одном помещении были и мужчины и женщины. Как рассказывала мама, после бани взрослым выдали «еврейское белье».



Иногда я ходила и выпрашивала у немцев еду. Они меня не трогали, наверное, потому, что я была совсем маленькой. Они брали мою корзину, передавали из рук в руки, и каждый подкладывал туда что-нибудь из еды.

Вскоре нас всех распределили на работу к разным хозяевам. Братьев отправили пастушками на хутор. Меня распределили к хозяевам, у которых старшая дочь была Вэлта. Хозяина звали Калэс Лепинч, а жену его Анитэ Лепинч, которая работала секретарем. Мой хозяин был бедный. Хозяйство было небольшое, у него была всего одна корова. Рядом с нашим домом по большаку часто проезжали немцы.

Мою маму распределили работать на другой хутор. Она, напротив, попала к очень богатому хозяину. У них было много скотины, и ей пришлось работать по большей части дояркой. Я же у своей хозяйки грядки вскапывала, ходила за березовым соком. Когда она уезжала куда-нибудь, то просила отвязывать свою корову. Однажды я забыла её отвязать, и хозяйка меня сильно побила. Она меня не очень-то любила.

Мама приходила ко мне только на выходные. Когда я начинала ей что-нибудь рассказывать о своей жизни, она не всегда понимала, на каком языке я разговариваю. Однако она говорила мне: «Ничего, ничего продолжай рассказывать». Мылись мы в бочке. Меня всегда первую туда сажали, так как я была самая маленькая.

Когда началось наступление русских, стали часто бомбить и стрелять. Поэтому в лесу мы выкопали окоп и прятались там во время бомбежки. Во время авианалетов мама быстро собирала нас всех в кучку и мы прятались в окопе. Сидели там друг за дружкой и дрожали от грохота. После обстрелов в лесу появились целые просеки. Лес горел.

С началом отступления фашистских войск немцы агитировали нас бежать с ними, но мы не согласились. Мама собрала нас всех вместе и мы уехали в Россию. Кто нас вез — уже не помню, но ехали долго. В Россию мы приехали в Псковскую область, у нас там тетушка была. У нее мы и обосновались.





Мария Петровна ДЕНИСОВА

Родилась я по документам 3 января 1940 года, а в действительности — в 1939 году, так как была очень маленькая, кожа да кости, — меня и записали в 1940 год.

Мне было всего 2 года, когда к нам в деревню, в 7 км от Пскова, пришли немцы. Быстро начали наводить свой немецкий порядок, выбрали управу. Появился старший, который командовал всеми нами. И в этой управе у фашистов были помощники, даже русские, которые сами вызвались. Среди этих предателей оказался и наш сосед. Он заставлял маму работать на лесозаготовке. Наверное, потому что знал — папа на фронте. Нас у мамы было всего 5 детей. Самому старшему — 12 лет. Когда наступила зима, мама отказалась от этой работы.

С наступлением 1942 года немцы начали угонять молодежь на работу в Германию. Тем, у кого было на чем доехать до станции, было легче. У нашей бабушки были лошади, на которых мы поехали в Псков на железнодорожный вокзал. Там нас погрузили в вагоны. Я помню, что меня очень сильно зажали в этих вагонах люди, и мне от этого было очень тепло. Я была маленькая, а они были намного выше меня. Я помню тот пар, который шел от дыхания людей.

Когда мы ехали поездом, то попали под сильную бомбежку. От нее у меня остались самые жуткие впечатления. Это был вечер или ночь, я не помню. Я видела



самолеты, которые летали по кругу. Сначала я думала, что это были наши самолеты. Но когда раздался страшный грохот бомб, все поняли, что это были немецкие «Юнкерсы».

И вот мы уже в лагере в Литве. Мне было всего 4 года, но я хорошо помню наш длинный барак. Поскольку я была ещё маленькая, то мне казалось, что ему нет ни конца, ни края. Моё лежачее место было на второй полке, и когда я на нем лежала, то видела в крыше краешек неба. От этого мне было так хорошо.

В концлагере мама пошла работать в госпиталь. Она постоянно тряслась, постоянно переживала за нас. Однажды мы шли с мамой, солнце было палящее, и к нам навстречу шел немец, огромный и худой, как мне тогда казалось. Я уцепилась за мамино левое колено, оно дрожало! Немец подходит к нам и вынимает из кармана шоколадку и дает мне. Я держусь за ногу и не беру. И как только он ни уговаривал меня, я не взяла. Какое же было ожесточение и ненависть к ним, чтобы маленький ребенок не взял шоколадку!

Я помню, как-то мы бежали из лагеря в лес, чтобы не попасть под бомбежку. Я бежала и думала, какая же мягкая трава, как по ней приятно и хорошо бежать; я думала о том, как мне хорошо. Все это было потому, что в концлагере я ходила босиком, и все ноги у меня были постоянно в ранках и порезах. И пока мы бежали до леса, мама держала меня за руку, которая у неё тряслась от страха за нас.

Еще я помню, что в лагере под проволокой узники делали подкоп, и наши мальчишки, в том числе и мои братья, бегали на хутора просить милостыню.

Чем нас кормили в лагере, я уже не помню, но мама рассказывала, что на стол для всех ставили большой котел, в котором было что-то жидкое и плавало что-то белое.

Рассказывали, будто наши войска так быстро освободили Шауляй и вышли к Балтийскому морю, что Сталин даже не поверил.

При своем отступлении немцы отравили вокруг всю воду. Мы про это ничего не знали. Мама нас помыла, и после этого мой старший брат облысел. Как только мы все не отравились, до сих пор непонятно, это было просто чудо.



После освобождения советскими войсками нас всех погрузили в поезд и отправили в город Псков. Когда мы приехали в родные места, оказалось, что наш дом чудесным образом остался стоять невредимым. Мы как раз приехали к наступлению зимы, есть, естественно, было нечего.

В начале пахотного сезона нужно было вспахать землю, чтобы что-то посадить, но лошадей не было, и женщины сами впрягались в плуг. Маму выбрали председателем колхоза. Дома мы боролись с крысами, когда мама уходила, она говорила: «Бери палку и бей об пол, чтобы тебя не разорвали». Потом мы пошли в школу. Школа находилась в 5 километрах от дома. В ней я проучилась с 1 по 10 класс. Потом я поступила в строительный техникум и попала в Ленинград.

Папа был в Восточной Пруссии, приехал только в начале 1946 года. Его командир звал назад возвращаться и предложил поехать за семьей. Мама сначала была против этого, но потом все же решила ехать, мы собрались и поехали на вокзал, но мама заболела, и мы вернулись.

Ещё я помню, что, когда мы приехали из лагеря, мою маму вызывали в НКВД, и она там отчитывалась о том: в каком лагере была, кто был с ней и что она там делала. И эти все личные дела сохранились, а дело моего брата мама пропустила, и мы через суд доказывали, что он тоже был с нами в лагере.



Лидия Матвеевна КАРПОВА

Я коренная петербурженка. В начале лета 1941 года мы с семьей (мама, я и старший брат) выехали к отцу матери в Ленинградскую область — в поселок Вознесенье. Когда фашисты приближались к городу, мы попытались выехать обратно домой, но все дороги уже были перекрыты. Помню, как вскоре начались бомбежки. Нам с мамой и старшим братом пришлось скрываться в лесу. В лесу было холодно и страшно. Позже всех нас, кто прятался в лесу, фашисты поймали и согнали в концлагеря. В лагере все жили в бараках. В них было холодно, хотя и было сделано печное отопление. Топили чем попало, даже сырыми ветками, которые приносили взрослые.

Все дети находились постоянно в бараке. Взрослые все время куда-то уходили, видимо, искали еду и чем топить печь. От холода все дети старались забираться на печку. Я была самой маленькой и никогда не успевала на нее залезть, поэтому оставалась внизу и плакала от холода. Помню, что очень хотелось есть и пить, а воды не было. Приходилось ждать родителей, когда они что-нибудь принесут. Однако не все могли это сделать, так как они сами были голодными и уставшими, а ведра с водой тяжелые, и некоторые не могли донести воду до барака.

В нашем лагере все старики погибли, они умирали от голода. Все как могли спасали детей. Взрослые старались отдавать свою еду нам, детям.

Самое страшное, что я помню о концлагере, — это будки для пыток. Поход в будку — это было самое жуткое наказание. Жестоко наказывали практически за лю-





Узники концлагеря Озаричи Гомельской области. 1941–1942 гг.

бую малую провинность, не говоря уже за попытку бежать, за то, что пытались пролезть через колючую проволоку за едой. Немцы забирали провинившегося человека в будку и избивали его до полусмерти. Мой брат несколько раз попадал в будку. Его там так сильно избивали, что отбили внутренние органы.

В октябре 1945 года советские войска нас освободили. Меня, брата и нашу маму отправили в первом эшелоне, так как мой папа был военным, и он договорился, чтобы нас отправили домой в числе первых. Больше всего мне запомнилось постоянное чувство голода и страха перед будкой пыток. После освобождения мы вернулись в родной Ленинград, домой. Весь город лежал в руинах и был пустой. На улицах никого не было видно. Было страшно.

После всего произошедшего мой брат отыскал братскую могилу стариков, которые были с нами в лагере.





Степан Александрович СИМОНЧИК

Сам я родом из Белоруссии, из Гомельской области, деревня Плесовичи.

С началом войны нашу деревню оккупировали фашисты. В то время мне и моему брату-близнецу было около 4 лет. К нам в деревню приехало много немецкой техники, в том числе и танки. Вскоре фашисты превратили нашу деревню в опорный пункт, поскольку недалеко проходил фронт.

К новому году нас из нашей деревни переселили в соседнюю. Мы попали в хату деда Спирки. Он был хорошим мужиком и играл с нами. В хату к деду Спирке мы попали с братом Федором и мамой.

Помню, как-то был случай, как дед натопил баню, а брат туда зашел и от дыма у него покраснел и заболел глаз. Маме посоветовали пойти за помощью в немецкий госпиталь. Она привела брата, и немец ему намазал глаз каким-то хорошим лекарством.

Через некоторое время нас всех эвакуировали из деревни и повезли под Бобруйск и выгрузили там. Было очень много народу, особенно стариков и детей. Там нас ожидали немцы с овчарками.

Всех погнали по дороге в сторону концлагеря «Озаричи». Было очень холодно и мокро. Мы шли где-то два дня. Кто не мог сам идти или нести своих детей, тех расстреливали на месте.

Хорошо, что с нами был дедушка, мама и двоюродные братья с сестрами. Так как брат болел, мама несла

его на руках, а меня вела за руку. Я плакал. Конвоиру это не понравилось. Он стал кричать, чтобы мама бросила нас, а потом ещё и ударил ее по голове. Мы побежали и скрылись в толпе. Наш дед решил присесть у колодца, так как не мог дальше идти, и его за это пристрелили на месте, а бабушку затоптали сапогами, и она умерла.

Когда нас пригнали в концлагерь, первое, что я увидел, — большое болото, лагерные вышки наблюдения и овчарок, а еще забор из колючей проволоки. Было холодно, март месяц. Много детей и стариков болело. Никакой медицинской помощи нам не оказывали. Еды нам тоже не давали! Ели только те запасы, которые каждый взял с собой или нашел по дороге. Когда мы расположились, костер нам разжечь не разрешили, хотя было холодно. Мать взяла с собой сухарей и размачивала нам их в воде из болота, потому что другой воды взять было негде.

С началом наступления наших войск начались страшные бомбежки, повсюду рвались снаряды. Повсюду погибали ни в чем не повинные люди. Как мне рассказывали, в лагере было около 15 тысяч стариков и столько же детей, но мало кто из них выжил. То, что мы остались в живых, — это большое счастье и дело случая.

Разведка Красной армии сообщила, где находится наш концлагерь, и направление наступления наших войск на немцев изменилось. Первыми в лагерь прибыли наши минеры. К этому времени охрана уже сбежала. Они расставили повсюду флажки и приказали ходить только вдоль флажков. Повсюду вокруг лагеря были установлены минные поля. Шаг вправо, шаг влево — и ты подорвешься. Шли мы аккуратно, но были случаи, что и подрывались.

После освобождения из концлагеря нас воинским эшелоном отправили на станцию Калинковичи. По приезду всех бывших узников пропарили в бане и провели дезинфекцию. Среди нас было много больных сыпным тифом, поэтому и весь первый эшелон вместе с солдатами был заражен. Солдаты заразились от нас.

Нас подержали недолго и потом отправили под Гомель. На новом месте всех распределили по домам, подселяли к другим жителям. Семья, к которой нас подселили, сначала не хотела нас брать, потому что все мы были



больные. Но поскольку это был приказ коменданта, то им пришлось нас все же взять. Начался временный карантин. Старшая дочь в этой семье все время настаивала, чтобы мы съехали в другое место. И вот одна старушка из этой деревни согласилась приютить нас. Вот мы и перебрались к ней. У нее было две козы. Видя, в каком мы состоянии, она нас отпаивала козьим молоком. Нам оно очень помогло. Вскоре мы выздоровели. Возвращаться домой было еще нельзя.

Как только освободили нашу территорию, мы вернулись домой, в родную деревню. Она была вся сожжена. Видно было, что здесь шли упорные бои. Вокруг было много окопов и разбитой техники. Нам пришлось расположиться в землянке.

В Ленинграде я оказался потому, что первым сюда приехал мой брат. Его пригласили в Ленинград работать строителем. После снятия блокады город лежал в развалинах. Было разбито много заводов и домов, город нуждался в строителях, да и вообще рабочей силы не хватало. Брат зарекомендовал себя на стройке хорошо. Устроился. И на семейном совете мы приняли решение, чтобы я поехал после армии тоже в Ленинград. А служил я в Германии 3 года. Так теперь в Питере и живу.





Людмила Александровна СНОПОК

22 июня 1941 года сильно изменило мою жизнь и жизнь моих близких, знакомых, друзей. К тому времени мне было 15 лет, я окончила семь классов павловской школы и поступила в торговый техникум. Мирная, беззаботная жизнь закончилась.

В августе 1941 года в техникум пришла повестка отправить нас, студентов, на рытье окопов. Жили мы тогда в Тярлево. Мама сказала: «Ну что же, Люда, надо, значит, надо». На окопах я пробыла две недели. Натерпелась я там беды и страха! Работали босиком, копали до мозолей. Ночевали кое-где. Как питались, не знаю. А потом вдруг нас стали бомбить, и мы бежали. Добирались до города на каких-то встречных попутках. Домой я добралась аж 1 сентября. Грязная, голодная, замерзшая.

Прошло еще день или два, и в Тярлево находиться стало невозможно. Стрельба, бомбежки — это было невыносимо, и мы с родителями бежали в деревню Глазово (в 2—3 км от Тярлево). Бежали налегке, что успели прихватить, то и было. Мы обосновались на веранде у знакомых. Жили так неделю. Но и сюда добралась война. Начались бомбардировки. И мама сказала: «Надо уезжать». Она работала в Ленинграде и поэтому решила увезти меня и младшую сестру Нину туда.

А папа остался в Тярлево, но лишь на некоторое время — он закапывал наши вещи в сарае. До нас



он добирался один, пешком. Дошел до Ленинграда 5 сентября. Мы обосновались у родственников на Лиговском проспекте. Жили у жены дяди, который находился в армии, обе их дочери были эвакуированы, а тетя Мотя работала на военном заводе.

Папа работал на «Арсенале», и так как завод был военный, в армию его не брали. Маме пять раз предлагали эвакуироваться, но она наотрез отказывалась: «Никуда я не поеду». Через некоторое время мы съехали от тети и поселились в деревянном доме № 73 на Кондратьевском проспекте.

Жили тяжело. Как беженцы ничего не имели. Хорошо, тетя Катя, соседка со второго этажа помогала нам. Было время, когда я чуть не умерла. Это было в 1942 году. Меня спас тети Катин кагор. Она принесла его моей маме и предложила дать мне стопочку.

Помню, как мама пошла в поликлинику № 16 на Ватутина, а когда вернулась, первой ее фразой был вопрос Нине: «Она еще жива?» По тону было слышно, что она спрашивала не с волнением, а с раздражением. Вот какое было безразличие! Она вначале за меня боролась, а потом сил уже не было.

Досталось в войну и папе. Он заболел цингой. Его приходилось возить на завод, сам он ходить был не в состоянии. Помню, как мы в бочке топили снег, чтобы он мог там греть ноги.

За водой мы с Ниной ходили на Арсенальную набережную. Мама работала на молочном комбинате, который находился на Международном проспекте. Ходила пешком



С родителями перед войной





26 остановок. И когда я на крыльце провожала маму в 5 утра, все время молила боженьку: «Господи, вернись ты, мамочка. А то останемся мы одни!» Сколько она ходила! Это кошмар какой-то!

Маме на комбинате давали шроты — жмых от соевых бобов. Папа сделал буржуйку. Нина из жмыха готовила лепешки. Но я эти лепешки есть не могла. «Я лучше умру, но есть не буду», — говорила я. Мой организм принимал только хлеб. Я постоянно думала только о нем. А как иначе? Голод унес из жизни старшего брата Шурика и шестилетнюю сестренку Тоню. От четверых детей в нашей семье остались только двое: я и Нина. Нина на два года меня младше. Шурика и Тоню похоронила мама. Завернула их в ткань, положила на санки и увезла на Богословское кладбище в общую могилу. Было это зимой 1942 года.

Однажды мама отправила нас с Ниной за щепками для печки: «Детки, вон там, на Кондратьевском, на вышке военные стоят. Идите туда, может, щепок добудете». Папа дал нам топор, и мы с Ниной пошли. Пока набирали



щепки, с вышки спустился солдат и говорит: «Что это вы делаете?» Мы отвечаем: «Дяденька (*а ему лет 19*), нам топить нечем!» Он нам: «И здесь нечего брать» — и забрал у нас топор. Мы пришли домой в слезах. Папа говорит: «Что же, девки, теперь делать?» И мама придумала маленькую хитрость: «Так, вот что мы сделаем. Я приготовлю лепешки, и вы у него на них обменяете топор», — сказала она. Конечно же, когда «дяденька» увидел, какие у нас «хорошенькие, розовенькие блинчики» (как я сказала), топор он нам вернул тут же: «Ну, если блинчики вы мне принесли, тогда забирайте топор и больше сюда не ходите».

А в июне 1942-го я уже пошла на работу. Сначала просилась к папе на завод, но он отказал: «Куда же я тебя возьму? Ты же такая маленькая, худенькая. Кто тебя возьмет? Нет, доченька, с винтовкой стоять ты не будешь». Тогда мы с подружкой Верой Фуфлыгиной пошли по заводам. Взяли нас только на «Красном выборжце». Как сейчас, помню, начальник отдела кадров Пчелкин, высокий мужчина, так сжалился, глядя на нас: «Ну что с вами сделаешь?» Мы честно ему сказали, что пришли из-за рабочей карточки, и нас оформили управхозами. Работой сильно загружены мы не были, да еще и булочки, которые пекли для ремесленников, давали каждый день. Была я, конечно же, на казарменном положении: работала и жила на заводе. Вместе с остальными тушила зажигалки, сбрасывала с 4-го цеха. Теперь бы я ни за что не полезла туда! Такая высота!

Освобождала заводские цеха от покойников. Тогда ведь люди умирали на рабочем месте, прямо у станков. Нас, комсомольцев, отправляли убирать тела. Мы их укладывали на носилки. Было неприятно. Но слез не осталось, привыкли к смерти настолько, что стали к ней относиться как к чему-то обыденному. Когда люди, которых ты знаешь, умирают, к смерти начинаешь относиться спокойно. Умерла соседка тетя Катя, ее брат. Мы с мамой их тоже отвозили на санках на Богословское кладбище. От их семьи из шести человек осталась одна дочка Маша. Она после 10 класса работала в госпитале.



Мама по мне очень скучала, при встречах часто говорила: «Люда, когда ж ты дома будешь?» А я отвечала: «Мама, нескоро».

Часто вспоминаю, как стояла за хлебом в булочной на Лабораторной. Однажды, пока ждала своей очереди, насчитала 40–50 машин с трупам. Они ехали по Кондратьевскому проспекту на Пискаревку. Окоченевшие тела с торчащими в разные стороны руками и ногами — жуткая картина, которая навсегда осталась в моей памяти.

После Победы по этому же Кондратьевскому проспекту я ходила на работу и видела, как за загородкой у завода сидели пленные немцы. Я часто видела, как они играли на губной гармошке, а потом их внезапно не стало. Говорили, их увезли в Сибирь. Тогда у меня к ним никаких чувств не было. Но сейчас я их ненавижу. Это не люди, это звери.

О Победе я узнала на заводе, когда объявляли по репродуктору. Репродукторы на заводе были большие, черные. Все ждали этого дня. Раз уж блокаду прорвали, хлеба 500 граммов давали, значит, скоро победа. Это все знали.

А после войны началась другая жизнь. Новая.





Марина Федоровна АЛФЕРОВА

Мои воспоминания о блокаде, конечно, отрывочные и основаны больше на рассказах мамы и тети.

Помню начало войны (22 июня 1941 года), так как в этот день у папы был день рождения, и мама готовилась к этому событию. Папа пришел домой поздно вечером. А утром его отправили на фронт, так как он был военным.

Папа воевал на Ленинградском фронте, был командующим по связи на Невском пятачке. Этот клочок земли был в конце концов отбит у противника, что сыграло огромную роль в прорыве блокады.

Помню, как мама ходила пешком на работу с улицы Михайлова на Кировский завод, где был устроен госпиталь. Она там работала врачом. Брала меня на руки и рано утром шла в госпиталь к раненым. Однажды, когда мы переходили Литейный мост, начался обстрел. Спрятаться было негде. Мы легли с мамой на землю, и она накрыла меня своим телом. К счастью, мы остались живы. В первую блокадную зиму стояли сильные морозы, и однажды, когда мама несла меня, закутанную и тяжелую от одежды, у меня с рук свалились варежки, и пальчики мои обморозились. Мама не заметила, как это произошло, и



сильно переживала за мои руки. Медсестры постоянно мазали мне ручки какой-то мазью, я это очень хорошо запомнила, потому что она очень щипала, но помогала. Мама рассказывала, как я не любила снимать пальто и, когда начинались бомбежки, я всегда пряталась под кровать. Видимо, я думала, что пальто защитит меня от ударов.

Мы жили в квартире вместе с маминой сестрой, её детьми и бабушкой. Мамина сестра работала врачом, но не в госпитале, а на железнодорожном вокзале.

Еды не хватало, мама отдавала последнее мне. Всё, что было съедобным в доме, все запасы еды, отдавали детям. Моя бабушка в блокаду умерла не от старости, а от истощения.

Помню, как все вместе ходили на Неву за водой. Брали ведра, бидоны, все то, во что можно было бы налить воду, и шли к реке. Иногда удавалось поставить все на сани и привезти, а иногда и приходилось нести в руках. Было трудно, холодно, тяжело. Но приходилось терпеть, иначе — никак. Мамина и тетина забота помогли мне выжить в столь тяжелые и голодные годы, вечная им память и поклон...





Марьям Абдуловна БАХТЕЕВА

Родилась я в Ленинграде, в семье рабочего. Когда началась война, мне было всего три года. Жили мы тогда на улице Гоголя, д. 21. Во время войны наш папа воевал на фронте, служил на Балтийском флоте, вернулся домой инвалидом. Мама работала в войсках местной противовоздушной обороны. Конечно, я многое уже не помню, но есть моменты, которые врезались в мою память навсегда. Помню, как однажды в кармане зимней одежды я нашла сухарик и очень этому обрадовалась. В то же время я подумала и сказала маме: «Почему я раньше, до войны, положила только один сухарик? Вот было бы здорово, если бы их было много». Ведь мы и наши родственники, как и большинство ленинградцев, сильно голодали. Во время блокады умерли три двоюродные сестры, семья папиного брата (жена и трое его детей), который в то время находился на фронте.

Сейчас голод, который пришлось испытать тогда, холод, в котором пришлось жить в нашем блокадном городе, сказываются на состоянии моего здоровья. Но я не жалею, стараюсь жить и благодарить судьбу за то, что живу до сих пор.

После блокады я пошла учиться в школу № 239 — школу со львами на Исаакиевской площади. Сейчас в ней размещается гостиница. В школе я закончила 7 классов.

В 1954 году умер отец. Я пошла на работу, но продол-



жала учиться в школе рабочей молодежи.

В 1960 году поступила на вечернее отделение Ленинградского архитектурно-строительного института. После его окончания работала в проектных институтах, участвовала в проектировании ленинградских заводов («Электросила», «Красный выборжец», «Красный треугольник», «Ленинская искра», Аккумуляторный завод, «Электроаппарат» и др.), заводов в других городах (Черновцы, Рига, Свирск, Саратов, Энгельс) и за-

рубежных странах (в Корее, Индии, Югославии).

В 1963 году вышла замуж, родила дочь.

На сегодняшний день я работаю инженером в Центре гигиены и эпидемиологии в Выборгском и Калининском районах.





Юлия Михайловна КАЛИСТРАТОВА

Я 1937 года рождения. Всю войну мы были в Ленинграде, не выезжая ни на один день.

Мне было 4 года, когда началась война. Я как сейчас помню, мы были на улице, гуляли. День был хороший, теплый. Жили мы тогда на Картошихина, д. 6, кв. 16. По радио объявили, что началась война. Мама выскочила во двор и загнала нас домой. Народу было много. Взрослые стали обсуждать ситуацию. А мы, ребятишки, ничего не понимали, играли беззаботно и бегали.

Сейчас, с оглядкой на те дни, вспоминаю самые страшные моменты: бомбежку, разрушение домов. У нас в гавани было разрушено много домов. Но наш дом на четыре квартиры не пострадал, правда, сейчас его уже нет. Наш садик закрыли. И, когда родители уходили на работу, нас, несколько детей, запирали в квартире. Вели мы себя тихо, не шумели, из-за еды не ссорились. Родители оставляли каждому что поесть. С нами была девочка 12 лет, которая была за старшую, помню, как она читала нам книги. Она, как остальные ребята, умерла. Остались только мы с братом.

Папу в первые дни войны забрали в армию, он до этого работал водителем директора Балтийского завода. Мы прощались с ним на улице. Помню, как он всех нас подкидывал, кричал, что скоро вернется. Но в конце декабря

его не стало. Убили на фронте.

Мама всю войну проработала портнихой в пошивочной мастерской на 11-й линии Васильевского острова. Когда ей предлагали эвакуироваться, она наотрез отказалась, сказала: «Это мой дом, моя Родина. И я никуда не уеду!»

Весной она отправляла нас собирать траву. Из подорожников и одуванчиков потом варила суп. Так и держались. Мама была полна энтузиазма и делала все ради того, чтобы мы

выжили. Именно это, я думаю, нас всех и спасло. Брат до сих пор живет на Васильевском острове. Он художник, профессор, работает преподавателем в Художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица, в «Мухинском училище».

Когда объявили конец войны, конечно, восторженных возгласов было на всей улице много. Люди бегали, кричали, обнимались. В тот день мы пошли на Невский и видели, как от Московского вокзала до Дворцовой площади несли аэростаты.

После войны нам не жилось легко. Маме платили небольшую зарплату. Сейчас я не могу сказать, сколько именно. Правда, она получала 27 руб. пенсии на двоих за папу, но в 1945 году к нам из Старой Руссы перебралась



Запуск аэростата наблюдения (внизу привязана гондола, в которой уже находится экипаж). Ленинградский фронт. Источник: архив А.П. Константинова.



бабушка с приемным сыном, так что, хоть мы и жили в радости, но при этом в нужде. Мама, как могла, подрабатывала, брала работу на дом. Но этот заработок не сильно спасал положение.

В 1945 году я пошла в школу. Брат с 4 класса учился в художественной школе. Училась я в женской гимназии. В 9 классе, в 1954 году, девочек и мальчиков объединили. Но наш класс трогать не стали, потому что он был выпускной. Так я и закончила школу в женском классе. Учиться в таком коллективе мне нравилось. Мы дружили, общались, ходили друг к другу в гости, вместе делали уроки. Нас часто водили в театр на спектакли во Дворец им. Кирова на Большом проспекте.

В первые дни после войны все жители нашего города выходили на уборочные работы на улицу. Делали это по собственной воле. В выходные мама часто нам говорила: «Пойдем на уборку территории». Рядом с нашим домом был небольшой сад. Туда мы ходили и сажали деревья. Кроме того, приходилось разбирать руины разрушенных домов, разгребать мусор. Делали это все: и малыши, и взрослые.





Жанна Яковлевна КИСЕЛЕВА

Мой папа был известным коллекционером, работал главным администратором Пушкинского театра. Мама — без специальности, занималась домом. К нам вхожи были артисты, творческие люди, у нас бывала Клавдия Ивановна Шульженко.

И вот грянула война. Тогда я была совсем маленькой. Мне только-только исполнилось 4 года. Папа был абсолютно не военным человеком по своей сути, но в первые же дни войны ушел на фронт. Ему в то время было 42 года. И мы остались с мамой.

В Ленинграде было принято решение всех детей моего возраста эвакуировать 18 июля 1941 года, поэтому меня остригли наголо, как и всех прочих детей. Мама упала в обморок, когда увидела, что перед ней стоят одни глаза и уши.

Отправлять нас должны были в большом составе, на котором был изображен красный крест. Меня провожала мама. Хорошо помню, как я закатила истерику на вокзале, когда увидела лысую толпу детей. Мама долго стояла на платформе. Видя, как я плачу в вагоне и тяну свои руки к ней из окна, она не знала, что делать. Рядом с ней оказался какой-то молодой военный. Он сказал маме: «Вынимайте ее немедленно!» — и через форточку вытащил меня на платформу. ...Через несколько часов, уже дома, мы узнали, что весь поезд, в котором я должна





Я вторая слева

была ехать, разбомбили в селе Лычково Новгородской области. Выжить удалось единицам...

Мы остались в блокаде. Без средств. Я очень хорошо помню, как с первых дней мы, как и другие дети с родителями, поднимались на чердак и гасили там зажигалки. Когда все было поменьяно на продукты, все книги и все, что ломалось, было сожжено, мама узнала о том, что есть шанс выжить, став донором, и стала донором летной части. Два раза в неделю она сдавала кровь. За это ей давали талоны на хлеб, а мне — сладкий чай с кусочком булки. Так прошел 1941 год и половина 1942-го. Но однажды наступил момент, когда мама не смогла подняться с кровати. К нашему счастью, в это время нас навесил папин сослуживец. Когда он увидел эту картину, то принял решение представить мою маму своей женой, а меня дочерью и вывез нас с составом военных, которые отправлялись на фронт, в Кировскую область, в Слабелякский район, в местечко Слабеляки. Прожили мы там недолго, потому что нам стали приходиться похорошки на папу. После первых двух очень скоро пришли опровержения. Настоящей оказалась третья, которую мы получили 17 июля 1943 года.



Но тогда мы об этом еще не знали, подумали, что и она — очередная ошибка, и решили немедленно возвращаться в Ленинград. «Вдруг он живой, придет, а нас дома нет. Он расстроится», — говорила мама.

Мы вернулись в блокадный город, в нашу комнату (на ней была бронь, поэтому в нее никто не мог вселиться, кроме нас) и стали ждать. В конце 1943 года в дверь позвонили, вошел солдат и спросил маму. Этот солдат служил при моем папе. Он принес пакет и сказал: «Простите, я раньше не мог вам этого передать. Но это то, что у меня от него осталось». Это были золотые швейцарские часы на широкой золотой цепочке, пуловер, костюм и пачка денег, те, что были неизрасходованы, серебряный медальон на цепочке, в котором были мое и мамино фото и наш адрес. Медальон был с небольшой вмятиной: видимо, на него наступили или попала пуля. Т. е. все, что было при папе, он нам вернул.

Папа погиб в бою на Невском пятачке. У меня сохранилось письмо, в котором он писал: «...Мы находимся в такой мясорубке, что отсюда никто не вернется. Поэтому береги Жанку...» Я долго была уверена, что папа жив. Я все время ходила по Невскому и вглядывалась в лица; я думала, что он просто забыл адрес.





Фото сделано в первый день войны.

Мама пошла работать во Дворец пионеров, который не эвакуировался. Мыла посуду и полы, а я оставалась одна и готовила какую-то еду. Мама ночью уходила и ночью приходила. Чтобы мне было не так тоскливо, она для меня где-то подобрала котенка. Такого же страшного, какими были мы, такого же голодного.

В 1944 году я пошла в первый класс. Школа находилась недалеко от нас, на улице Рубинштейна, 13. Я поступила практически во все кружки, какие существовали во Дворце пионеров, потому что находиться дома одной было невозможно. Не ходила только

в спортивные, потому что была очень слабым ребенком. Часто по дороге в школу, особенно в первом и во втором классах, я теряла сознание. Таких, как я, было немало. Но несмотря на недомогания и недоедания, все как один мы, истощенные, изможденные, после уроков в школе помогали восстанавливать наш город. Разбирали завалы, таскали бревна.

Я хорошо помню, как на Фонтанке гнали пленных немцев. Удивительное дело, больных немцев, которые восстанавливали Ленинград, селили на ступенях Дворца пионеров — там очень широкие мраморные лестницы. Они лежали валетом. А поскольку мне каждый день надо было ходить в какой-то кружок, я проходила между ними. Я была маленькая, страшненькая, голодная. Немцы смотрели на меня и плакали. Перебинтованные, они представляли жуткое зрелище. Помню, как один из них взял меня за руку и на ломаном русском языке произнес: «А у меня такая дочь». Я пришла в кружок и стала рассказывать: «Какой добрый дядя лежит на лестнице, у него окровавленный бинт. Надо



На параде 9 Мая

ему отнести поесть»... Ненавидеть я их стала позже. Тогда я этого не понимала.

27 января 1944 года. Я помню первый салют в Ленинграде. Это было ужасно! Мы с мамой пошли его смотреть на Малую Садовую. И когда раздался первый залп, я плакала так, что радости от салюта, как мне ни стыдно теперь говорить, я не поняла. Мне показалось, что все началось сначала. Меня увели оттуда.

Когда говорят, что время лечит, это неправда. До сих пор я с сильной болью вспоминаю свое детство, соседского мальчика, лежащего в обнимку со своей мертвой мамой; кусок булки, за который моя мама расплачивалась своей кровью; бесстыжую домуправшу, выносящую картину из папиной коллекции, на наших глазах. Помню все...





Сергей Александрович СЕДОВ

Война круто изменила нашу жизнь. Сначала голод в родном Ленинграде, а потом эвакуация в Ярославскую область, в деревню Сысоево, на малую родину моих родителей. Здесь мне пришлось испытать все тяготы деревенской жизни в военное время.

Я в первый раз оказался без родителей и до этого мало что видел в своей жизни. Но был достаточно самостоятельным. Видимо, повлияла ранняя смерть отца и начало войны. Жил я у своей тети вместе с её многочисленной семьей. Работы было много: надо было обрабатывать свой огород (а это 50 соток земли), ухаживать за скотом, заготавливать дрова. Одновременно с этим была и работа в колхозе: я пахал на лошади и боронил поля, работал на сенокосе, а в зимнее время — на лесозаготовках.

Неподалеку находилась деревня Дор, в которой жил мой родной дядя с супругой, которых я часто навещал. Это были замечательные люди с большим жизненным опытом, которые помогали мне советами и заботой в то трудное время.

Весной 1942 года я стал пастухом. Никогда раньше не представлял, насколько это тяжелый и изнурительный труд. С ранней весны и до глубокой осени приходилось находиться в поле, без выходных и скидок на болезнь. Чтобы освоить новую профессию, я вошел в общение с другими

пастухами из соседних деревень. Жители деревни удивлялись моему перевоплощению, ведь не так давно я был городским пацаном, а сейчас с легкостью управлялся со стадом в 26 коров. По окончании сезона мне выдали приличную зарплату. На эти деньги я купил козу. Еще за свою работу получил продукты.

Потом мне предложили стать конюхом. И снова с утра до вечера я трудился. Конечно, было нелегко, но все понимали, что идет война, а там, на фронте, гораздо тяжелее.

Через некоторое время вместе с другими ребятами я был направлен на лесозаготовки для государства. Уезжали в леса на два месяца, жили в бараках. Питались скромно, основным продуктом была картошка. Работа была довольно тяжелой, требующая особой осторожности и навыков, которыми мы еще не владели. Малейшая небрежность и неосторожность приводили к несчастным случаям.

В 1943 году я получил повестку из райвоенкомата о явке на призывной пункт. После небольших сборов 10 ноября 1943 года мне вручили повестку о призыве в армию. Меня и таких же 17-летних парней провожала вся деревня. Проводы были торжественными и в то же время печальными, многие плакали. Ведь война была в самом разгаре, уже приходили похоронки. Мой дядя получил известие о гибели на фронте своего сына. Никто не мог предсказать, как сложатся наши судьбы.





*Челябинское авиационное училище,
1943–1944 гг.*

Шел ноябрь 1943 года — время для всей страны тяжелое. Мой родной Ленинград находился в глубокой блокаде, на фронтах шли ожесточенные бои. Мы сдавали врагу город за городом, и даже Москва находилась на грани падения.

Меня призвали в Западный стрелковый полк, который базировался в г. Слободском Кировской области. Здесь в короткие сроки готовили автоматчиков и минометчиков. Я был зачислен в снайперскую школу. Это было тяжелое время, время выживания. Наши комнаты находились в одноэтажных бараках. Спали мы на двухъярусных нарах, покрытых соломенными матрацами.

В комнатах было очень холодно, отапливались они одной печкой, расположенной в коридоре. А укрывались мы тонким байковым одеялом.

В те годы стояли сильные морозы, до 40, а одеты мы были в шинели, а на ногах кирзовые сапоги. На занятиях в поле только постоянное движение спасало нас от холода. Иногда мы разводили костры и согревались. От холода мы как-то спасались, но вот от голода спасенья не было. Завтрак состоял из жидкой баланды, куска хлеба и чая с одним куском сахара. В обед та же баланда, несколько вареных картофелин и чай. Иногда утром давали кашу, но это случалось очень редко. Раздача хлеба проходила по особому методу. Старший за столом разрезал буханку хлеба на примерно равные куски. Конечно, они не могли весить одинаково, поэтому, чтобы соблюсти правило равенства, один из курсантов, сидя спиной к буханке, указывал на кусок и называл фамилию.

Было очень тяжело во время несения ночного караула, особенно если морозу сопутствовал сильный северный

ветер. И опять одно спасение — постоянный бег по территории охраняемого объекта.

Были в солдатской жизни и радостные моменты — это банные дни. Тогда мы отогревались на всю катушку. Меняли и белье и, вместе с тем, освобождались от вшей, которые донимали нас постоянно. Еще большой радостью для нас было попасть в наряд на кухню, где готовилась еда для курсантов. С разрешения повара можно было досыта поесть картошки. За время пребывания здесь все мы сильно похудели, стали доходягами — так называли нас местные жители. Я помню, что некоторые не смогли перенести эти ужасные условия. Были случаи, когда мои сослуживцы наносили себе телесные повреждения, например при заготовке дров. Они готовы были понести любое наказание, вплоть до трибунала. Жизнь для них стала невыносимой, а точнее, появилось безразличие, и даже смерть была выходом.

Я не паниковал и понимал, что это временно. Возможно, в то время меня вдохновляло и то, что я был ленинградцем. В блокадном городе жили мои родные, школьные товарищи, соседи. А на фронте находились мои родные братья, Николай и Василий. А им было намного труднее, чем нам. С близкими я старался поддерживать переписку, и это давало мне сил и уверенности.

С наступлением весны 1944 года наша курсантская жизнь заметно улучшилась, отошел холод, проблемы с питанием тоже налаживались. А главное, всех нас вдохновляли успехи с фронтов. Уже было ясно, что наша победа над врагом не за горами.

В мае 1944 года для нас наступил долгожданный момент: окончание учебы. Я получил специальность снайпера, и мне присвоили звание сержанта.

Состоялось построение полка, на котором было объявлено, что все мы отправляемся на фронт для выполнения своего долга перед Родиной. У всех было прекрасное настроение.

Уже накануне отъезда меня и еще нескольких сержантов вызвали в штаб полка. Там я узнал, что командование отправляет меня в Челябинское авиационное училище штурманов и стрелков-радиостов авиации дальнего действия.





Наверное, свою роль сыграла моя учеба в Рыбинском авиационном техникуме.

В училище нам кроме лётной приходилось изучать и курс парашютной подготовки, а затем и совершать прыжки с парашютом.

Мой первый прыжок проходил с двухместного самолёта У-2 на высоте 800—1000 метров.

При наборе определенной высоты по команде пилота курсант должен выйти из кабины и встать по краям крыла, держа в руке кольцо для раскрытия парашюта. По взмаху руки пилота курсант прыгает и

через 3—4 секунды раскрывает парашют. И тут главное сохранить четкость и внимание, потому что несвоевременное раскрытие парашюта может привести к несчастному случаю.

Мой первый прыжок прошел успешно. Я вовремя раскрыл парашют, правильно планировал в воздухе и удачно приземлился на землю. Во время моей учебы были случаи, когда некоторые курсанты не могли преодолеть чувство страха перед высотой, и службу в авиации им пришлось оставить.

Говоря о парашютной подготовке, я вспоминаю один свой прыжок, который был совершен уже после войны, в 1947 году, но остро врезался в мою память и в какой-то степени повлиял на мое понимание жизни.

После окончания войны я продолжал свою службу в Северной Корее. Наш полк базировался вблизи Японского моря, и полеты совершались над водой. Прыжки в воду отличаются от прыжков на землю, они требуют особого внимания. Освободиться от парашюта необходимо еще в воздухе, а это не так просто. Ошибки здесь недопустимы.

Когда самолет набрал нужную высоту, я проверил на себе спасательный жилет, стропы, на которых дер-



С дочерью и супругой на Пискаревском кладбище

жался парашют. Все было в порядке, и я по команде инструктора покинул самолет. Через 10–15 секунд полета в воздухе я дернул кольцо и раскрыл парашют. Не рассчитав высоту, я освободился от парашюта слишком поздно, и когда упал на воду, надо мной оказались стропы и часть моего парашюта. Оказавшись в такой ситуации, я понимал, что время играет не в мою пользу, и надо очень быстро принимать правильное решение. Не поддаваясь панике, набрал как можно больше воздуха и нырнул в сторону от парашюта.

Мне удалось выбраться. Поняв, что спасен, я запустил ракетой сигнал о моем местонахождении.

Затем при разборе прыжков, в мой адрес были высказаны замечания. Но все же мне объявили благодарность за то, что я не растерялся, а проявил решительность и находчивость и вышел победителем из этой непростой ситуации.

Одна цыганка еще в начале войны нагадала моей маме, что все ее три сына вернутся с войны невредимыми. Так и получилось. Но так, как нам, повезло далеко не всем. Я находил сведения о своих сослуживцах, которые





ушли на фронт. За исключением единиц, все они погибли на полях сражений или, вернувшись домой, умерли от полученных ранений. И по неволе напрашивается вывод: а нужно ли было нас, 17-летних доходяг, отправлять на фронт? Для численности — возможно, а для пользы на фронте — нет. Это решение Сталина было поспешным, необдуманным. А ведь могло быть иначе... Многие мальчишки могли бы остаться живыми и принести пользу Родине...

9 мая 1945 года я встретил в городе Иванове в Ивановской офицерской школе ночных экипажей авиации дальнего действия. Туда меня направили по окончании Челябинского авиационного училища штурманов и стрелков-радистов.

Летчикам, штурманам, стрелкам-радистам в течение определенного срока в составе экипажей предстояло освоить полеты на бомбардировщиках Ил-4. В основном это были молодые офицеры и сержанты, которые еще не в полной мере владели летной подготовкой.

Мне, как и многим моим сослуживцам, шел тогда 19-й год, и за плечами уже был опыт гражданской и военной жизни.





Анастасия Александровна ТАРЕЕВА

Когда началась война, мне было 17 лет. Я работала на фабрике «Рот-фронт» счетоводом.

8 сентября 1941 года началась блокада... Зима выдалась лютая, но я ходила работать на фабрику. Жила на Пушкинской улице, у Московского вокзала, на фабрику ходила пешком, а она находилась у Смольного, путь не близкий. Бывало, придешь с работы, а надо дежурить на чердаке. Начнется бомбежка — надо с крыш сбрасывать зажигательные бомбы. А сама еле стоишь на ногах, получала-то всего 125 граммов хлеба. А утром опять на работу. И так изо дня в день.

12 сентября сгорели Бадаевские склады, сгорели продовольственные запасы. 13 сентября в городе не было ни электричества, ни отопления, ни воды. Наступила зима. Мы ходили на улицу, собирали снег и растапливали его дома. Окна в домах были завешаны, чтоб теплее было. В комнате стояла буржуйка, труба была выведена в форточку. На отопление шло все, что горело. В городе съедено было все: кошки, собаки, голуби, вороны, чайки, ели даже людей. И вот пришла весна 1942 года появилась трава, ели и ее.



В 1942 году, в июне меня направили на оборонительные работы. Мы строили на Загородном проспекте амбразуры — в каждом доме, на первом этаже. Все адски тяжелые мешки с цементом и песком таскали на себе. Жили на казарменном положении. Поднимали нас иногда ночью разгружать бревна. Работали в основном одни девчонки. При этом мы успевали еще ходить в госпиталь, помогали ухаживать за ранеными и больными. Я была маленькая, но шустрая, хорошо танцевала. Поэтому входила в ансамбль, который выступал перед ранеными бойцами. Откуда на все хватало времени и сил, даже не знаю.



Бомбили и обстреливали город каждый день. Много погибло людей. Умирили от холода, голода...

В 1943 году, 18 января прорвали блокаду, и соединились два фронта — Ленинградский и Волховский. Радость была безгранична!

В 1944-м нас направили под Выборг, в 18 км от города мы строили оборону. Надо было рыть окопы, голыми руками выкорчевывать коряги и вытаскивать камни. И все это уже после снятия блокады.

В 1944 же году меня первый раз отправили на разминирование поля. Привезли нас, девчонок, на место. Я в шубе с капюшоном, с винтовкой. А какая мне винтовка?! Я и стрелять-то не умею, мне и винтовку-то не поднять, я такая маленькая. Как-то уже после войны мне сказали: «Вы не имели права ходить на минное поле в 17 лет». А разве нас тогда кто-то спрашивал? Дали приказ — выполняй. А сколько девочек погибло на разминировании. Им было 18–20 лет. Специально этому делу нас не обучали. Было очень страшно! Самое сильное потрясение мы пережили, когда подо Мгой разбомбили целый эшелон с нашими девушками. В этом эшелоне могла оказаться



и я. Но судьбе было угодно, чтобы я вместе с другими такими же самодеятельными артистами, которые выступали перед ранеными, остались в казарме. После того случая мы две недели были не в состоянии выходить на работы.

Искать мины на поле мы выходили со щупом, которым прощупывали землю. Если обнаруживали мину, ставили флажок. Обезвреживанием самой мины занимался специалист, который шел за нами. Облегчала задачу закономерность, с которой немцы закапывали мины. Они делали это по чертежу, через определенное расстояние. Эту закономерность мы заметили и использовали в своей работе. Но все равно было очень страшно, и я завидовала всегда девчонкам, которые эту же работу проводили с помощью собак. Своим чутьем собаки обнаруживали мины и садились возле них, девушки-саперы в том месте устанавливали флажок и шли дальше. И служебные собаки, и дворняги на войне проявляли просто чудеса смекалки. Я всегда думала: «Вот бы мне такого помощника!» О победе, как и все, я узнала 9 мая 1945 года, но война для меня тогда еще не закончилась. До августа 1945 года я занималась разминированием территорий.

24 августа 1945 года я наконец-то демобилизовалась и устроилась на «Арсенал». Там я работала в отделе технического контроля (ОТК). Первое время после войны работать приходилось по 12 часов, с 8 утра до 8 вечера. Проверяли детали для военной техники, для пушек. Проработала я на «Арсенале» 40 лет, до 1985 года.





Виктор Иванович ТИМОФЕЕВ

Войну наша семья встретила в Ленинграде. Мне тогда было полтора года. Как рассказывала мама, пришел приказ семьи с детьми отправлять в эвакуацию, и нас вывезли в Ярославскую область, в деревню Тереньково. Семья наша была небольшая, детей двое: я и старшая сестра (старше на 2 года). Мама работала в поле, зимой чистила дороги, в общем, выполняла то, что говорили. Хорошо помню, как она приобрела козу, и мы стали питаться молоком. Вместе с нами выехали еще две семьи: тети Насти и тети Гали. Мы все время держались друг друга.

Хоть я и был маленький, но хорошо помню расположение домов в Тереньково: в деревянном, бывшем купеческом доме находился детский сад, в который я ходил, и управление. На первом этаже было управление, а наверху — садик. Потом, в 1943—1944 году, когда туда приехали финны, детский сад закрыли.

Многие в войну на полях сражений потеряли своих родных и близких. Не обошла эта печальная участь и нас. В Тереньково нам сначала пришла бумага о том, что отца тяжело ранило, а потом сообщение о том, что он пропал без вести. С горечью мы приняли это известие, потому что до него получили письмо, в котором отец писал о том, что может приехать к нам на лечение, и спрашивал, на какой станции выйти. Но мать этого момента не дождалась.

Отец работал на хлебозаводе, и в первые дни войны ушел на войну. Он воевал на Ленинградском фронте, был ранен и лежал в ленинградском госпитале. Когда он пошел на поправку, он пришел домой, но нас дома не оказалось. Мы были в эвакуации. Тогда он решил навестить наших родственников, которые жили на Черной речке. Они потом нам рассказывали, как отец их фактически спас от голодной смерти: «Мы обессиленные лежали дома без еды, а тут заходит дядя Ваня, достает рюкзак, а мы с кровати не можем встать. Он достает из рюкзака консервы и хлеб. Он нас откормил. Сходил на хлебозавод. Там дали еще хлеба. И этим спас нас».

Как только сняли блокаду, мы вернулись в Ленинград.

Ехали из эвакуации долго. По дороге приходилось стоять на разных станциях. На одной из них валялся сбитый алюминиевый, уже растасканный самолет. Мальчишки с азартом по нему лазили и с интересом в глазах рассматривали оставшиеся детали.

Ехали мы в теплушке, но тепла в ней, как и печки, не было. Мы все время дрожали от холода и думали, как бы согреться. Помню, как нас, детей, укрывали всем, чем было можно: подушками, одеялами, которые мы везли с собой. А потом мама где-то раздобыла буржуйку, мы ее установили в вагончике. Стало полегче. Печку можно было топить только во время хода поезда: на остановках делать это было категорически запрещено. На одной из остановок мы увидели цыган, и эта встреча на меня произвела огромное впечатление и навсегда врезалась в мою память. Мы, худые, замерзшие, сидели в вагоне у открытой двери. И вдруг вижу — идут цыгане, попрошайничают. Но что меня больше всего поразило, так это то, что были они без обуви. Им было лет по 12—14. Казалось, холодная земля им нипочем. Один из них подошел к нашей двери и весело запел: «Мы мальчишки-ежики, у нас в кармане ножики. Кто тронет ежика, то получит ножика». При этом он еще и плясал, а я, глядя на его грязные, босые лапки, спросил у мамы: «Как им не холодно босиком?» На что она мне ответила: «Цыгане, они привыкли».

Так мы доехали до Ленинграда.

Привезли нас на Финляндский-товарный. Решили затопить печку — бояться ведь нечего, блокада снята. Но не тут-то было. Сразу же прибежал военный и закры-





В детском саду. Я во втором ряду первый слева

чал: «Вы что! Вдруг самолеты налетят!» Пришлось еще померзнуть, пока мать ходила договариваться насчет жилья. Хорошо помню укрытый памятник Ленину. Я тогда еще подумал: «Что это за гора такая?»»

Когда мама ушла договариваться насчет жилья, оказалось, что все в нашей квартире было разбито. Она пошла на хлебозавод, ее там все знали, как и отца. Договорилась. Директор дал машину. Нас, детей, он посадил в кабину, чтоб потеплее было. От тепла нас размогло, и мы быстро уснули, хоть и пришлось сидеть практически друг на друге. Но в какой-то момент я проснулся и увидел, как дверца грузовика открылась, и мы из него чуть не вывалились. Мать, тетя Галя и тетя Настя тогда сильно ругались на водителя. Он сам испугался, вышел из машины, взял гвоздь и заколотил дверь. Привез нас директор сразу на хлебозавод, чтобы женщины, не теряя времени, оформляли документы на работу. Ночевали мы на проходной. На следующий день тетя Галя отправилась в свою квартиру на Плеханова, которая оказалась неповрежденной. Тете Насте дали общежитие. А нас отправили на квартиру.

Вскоре я заболел малярией. Матери сказали отправить меня в Боткинские бараки. Чтобы не расставаться со мной и следить за моим самочувствием, вместе с моей детской кроватью она принесла свою. Разместили нас в большой комнате. В это время приехал нас навестить дядя Леша, он был танкистом, их танковый полк возвращался сюда на границу с Финляндией (они остановились в Тосно). Увидев меня в таком состоянии, он вызвал из части врача, и они меня вылечили хинином с водкой.

Я хорошо помню День Победы. Погода была замечательная, все бегали. А мне все время было холодно. Я кутался в пальто. Наверное, от слабости. Помню, по улице Зеленина солдаты шли с песнями. Все ребята бежали за ними.

После войны на хлебозаводе все меня называли Иванов сын. Отца там помнили и любили. Поэтому сторож меня всегда пропускал, и я мог спокойно пройти на его территорию. Я хоть и был ребенком, но хлебозавод знал от первого до последнего цеха.

При заводе был детский сад, куда я и ходил. По весне нас, детей, водили на Крестовский остров, и мы там собирали корешки мать-и-мачехи. Взрослые их мелко нарезали и заставляли нас есть, чтобы не было цинги. Было очень горько!

Хорошо помню, когда отменилась карточная система. В тот день мы с сестрой ели пшеничную кашу. Я, как обычно, чтобы не мыть за собой в холодной воде тарелку, ел прямо из сковородки. Пришла мама и поставила перед нами по килограмму сахарного песка и говорит: «Сколько хотите, столько и ешьте». Я спросил: «А если я ложку в кашу положу?» «Клади» — ответила она. «А две?» — «Пожалуйста». Я и бухнул в сковородку почти половину пакета сахара. Сковородка была горячая, поэтому сахар превратился в сладкую жижу. Я пару ложек съел, а больше не смог и так расплакался! Мать меня успокаивала: «Ты что? Я тебе еще куплю». Это было в 1947 году.

После отмены карточной системы в школе нас кормить перестали. А до этого после 2—3 урока у нас был обед. Помню, мама мне купила портфель со специальным кармашком, куда можно было положить еду, чтобы перекусить на перемене. Из-за отмены обедов в школе многие





С Юлией Михайловной Калистратовой

дети ходили голодными. Ведь были семьи, которые жили хуже нашей. Поэтому некоторые мальчишки приходили в школу и говорили: «Виктор, есть что поесть? Дай». Но при этом никто ни у кого не воровал. А что ели? Колбасы не было. Хлеб в основном мазали подсолнечным маслом, хорошо — когда маргарином. Присыпали сахарочком — вкусно! Если кто-то просил, всегда делились.

Однажды я пошел за керосином. Иду по Зелениной улице, вижу, двое мужчин идут с сеткой, полной яблок. Яблоки крупные такие, красные! Мужики увидели меня и дали яблоко, говорят: «Вот тебе яблоко». А я: «И сестренке Нинке!» Они оказались добрыми людьми, и дали яблоко и для Нины. Довольный, с фруктами в руках, я шел по улице. И вдруг смотрю, один из них откусил яблоко и бросил на землю. Я удивился, дождался, пока все ушли, подобрал яблоко и, пока шел до дома, съел его с таким удовольствием! Пришел домой, мать первым делом спросила меня: «Откуда у тебя такие яблоки?» И я сказал. Свежие яблоки тогда были в диковинку. На Дерябкина раньше был рынок, там продавали картошку, соленья. Но чтобы свежие яблоки — никогда!





Федор Леонидович ФАЛАЛЕЕВ

Судьба не баловала меня. Я родился в 1929 году в селе Слутка, что на реке Вятка. Семья наша жила бедно. Жили в крошечном помещении, куда взрослому человеку было и не войти, не нагнувшись. Продукты тогда отпускались строго по карточкам. От болезни умерли младшие брат и сестра, а вскоре и мать. К началу войны у отца уже была другая семья, и в ней я пришелся не ко двору.

В марте 1943 года пошел работать на оборонный завод в Ижевске. Во время войны завод выпускал танковые пулеметы — те самые, знакомые нам еще по фильму о Чапаеве.

Затем была повестка в армию и направление в военно-техническое училище в Пермь (тогда город Молотов). В училище я освоил специальность техника по обслуживанию самолетов и был послан в воинскую часть на Дальнем Востоке.

Мне очень хотелось получить высшее образование, поэтому и стремился в далекий Ленинград. В 1954 году моя мечта сбылась, когда сдал вступительные экзамены в Военно-космическую академию имени Можайского (тогда она называлась Ленинградской военно-воздушной академией). Ленинград стал для меня счастливым городом. Здесь я познакомился с будущей женой Ольгой Алексеевной, с которой





прожил всю жизнь и вырастил двоих детей.

Правда, после окончания академии меня направили далеко от ставшего родным Ленинграда, в ракетные войска стратегического назначения. Довелось принять непосредственное участие в сохранении боеготовности ядерного щита страны. Рассказывать о том периоде своей жизни не люблю — вся работа проходила под грифом секретности.

В 1976-м уволился из армии, а через четыре года с семьей смог вернуться в Ленинград.





Римма Михайловна КОНОВАЛОВА

Я родилась в небольшой деревушке под Ленинградом. В первые дни войны все мужчины ушли на фронт, остались в деревне женщины, дети да немощные старики. Это было время стремительного отступления наших частей. Местные жители умоляли командиров взять их с собой, но слышали в ответ только «нет». Несколько месяцев мы жили в лесу, потому что оставаться в доме было страшно. К тому же при отступлении Красной армии часть домов в деревне сгорела. То ли от обстрелов, то ли свои подожгли, чтобы не досталось врагу.

Когда жить в лесу стало невозможно, женщины решили идти к немцам «на поклон». К счастью, наш дом остался цел. Как мне рассказывал мой старший брат Борис, подошли мы к дому, а у ворот стоят немецкие мотоциклы. Так и стали мы жить вместе с ними. Жили, кстати, мирно и спокойно, иногда они даже угощали нас тушенкой. Как мы можем судить о том положении сейчас, немцы в то время находились в эйфории. Им практически без труда удалось захватить огромные территории, они, наслаждаясь своей властью, были к нам благосклонны.

Наша жизнь при немцах практически не отличалась от той, что вели до оккупации. Единственное — комендантский час, когда запрещалось жечь свет в тем-



ное время суток. Немецкие самолеты летали над деревней, но не бомбили. Осенью Боря, которому было 12 лет, даже начал ходить в школу, там кое-как велись предметы, но во всем чувствовалась немецкая пропаганда.

Но немецкая эйфория была недолгой. К осени 42-го наши войска начали наступление. Вскоре в деревню пришли немецкие части действующей армии и гестапо, и жизнь круто изменилась: забрали скот, водворялись новые порядки. Особенно жестко обращались с русскими прибалты и румыны. Казалось, они ненавидели нас больше фашистов.

Зимой немцы начали угонять людей... Мы ехали в эшелонах неизвестно куда и неизвестно зачем. Кто-то говорил, что в Германию, но точно никто ничего не знал.

На перевалочных пунктах было жутко холодно, спали на полу. Я до сих пор не знаю, как удалось нашей матери сохранить нас, троих детей, я ведь была младшей, родилась осенью 41-го.

Не описать тех жутких условий, как обращались немцы с пленными, но самое страшное было впереди. Нашей семье суждено было побывать за время войны в четырех концентрационных лагерях. Хорошо еще, что нас не забирали от родителей. Днем взрослых отправляли на работу на рытье окопов, а мы, маленькие, в это время оставались в лагере. заключенные старались поддерживать друг друга, случаев, чтобы кто-то кого-нибудь выдал, не было.

Партизаны неоднократно связывались с узниками, пытались убедить их бежать с ними в лес. Некоторые шли на этот риск. Но такие, как наша мама, у кого были маленькие дети, даже и не думали о побеге.

Потом был второй лагерь, где мы пробыли совсем недолго. Из него нас отвезли в Ригу, но там мы тоже не задержались. Последний, четвертый лагерь был под Двинском. В нем мы прожили до 1944 года. До побега.

В Двинске мы, наверное, за всё время скитаний по-настоящему отмылись, каждый из нас прошел медкомиссию. Ходил слух, что нас готовят к отправке в Германию. Мы с мамой и еще две семьи решили бежать. Ночи в Прибалтике очень светлые, и мы всё время боялись, что нас схватят.





Проволочные заграждения перед территорией немецкого концлагеря Саласпилс

Один из местных жителей не испугался и спрятал нас на своем хуторе в погребе. Запомнилось только одно: дикий холод от сырой земли и ожидание, что нас схватят. Погреб был покрыт травой, поэтому немцы, прочесавшие весь лес в поисках беглецов, нас не нашли. Было страшно, что выдаст хозяин, потому что к русским в Прибалтике относились плохо. Но никто нас не выдал, в погребе мы дождались прихода наших войск.

Победа! Сколько было радости у всех моих близких! Это было такое счастье — чувствовать, что ты свободен! Боря потом много раз рассказывал, с каким восторгом он разглядывал проходящие танки, боевые «Катюши». Есть было нечего (немцы хоть раз в день кормили нас какой-то «баландой»), мы были хоть и голодными, но счастливыми.

Однако мама даже не представляла, сколько трудностей ждало нас еще впереди. Самым серьезным испытанием оказалось возвращение на родину. Немцы, отступая, забрали с собой все наши вещи. Мы остались в чем



были. Деревня наша опустела: кого на фронте убило, кого в Германию увезли, кто погиб в лагерях. Несколько лет на земле ничего не росло. Взрослые перекапывали земельные участки в надежде найти картошку, пролежавшую в земле 2 года. Жарили её на печке, тем и питались.

Как выжили — для меня это по сей день загадка. Как хватило у нашей мамы мужества бежать из лагеря с тремя маленькими детьми?! Матерям, пережившим войну и сохранившим детей, нужно ордена давать! А специально для нашей мамы я написала стихотворение.

Письмо к матери

Здравствуй, дорогая наша мама!
 У тебя есть много сыновей.
 Много трудностей ты испытала
 В жизни долгой, прожитой своей!
 Мы тебя родную не забудем,
 Сбережем, как ласковую мать,
 Просто ты умела всех нас в будни —
 Ласково, по имени назвать!
 Ты растила нас и воспитала,
 Воспитала, как никто другой!
 И поэтому, родная мама,
 Едем мы к тебе, как к самой дорогой.
 Много трудностей, лишений и невзгод,
 Испытала ты в послевоенный год!
 Много радостей, восторгов и тепла
 Приносила тебе вся твоя семья!!!





Антонина Михайловна НИКОЛАЕВА

Война началась для меня, 10-летнего ребенка, летним, солнечным днем, когда мы всей семьей отправились в магазин за продуктами.

Родители были грустные, озабоченные происходящим, но они были еще очень молоды и наивно полагали, что эта война продлится не более 2–3 месяцев. Война затянулась на долгие четыре года. 900 дней длилась блокада Ленинграда, голод... Все блокадные дни наша семья оставалась в городе.

Папа в самые первые дни добровольцем вступил в Красную армию. Всю войну он воевал на Ленинградском фронте. Трижды был тяжело ранен. Вернулся инвалидом, но, к счастью, остался в живых.

Мама, домохозяйка, с двумя детьми 10 и 4 лет осталась в Ленинграде. Отчетливо помню, как в нашем дворе стояли грузовики, предназначенные для эвакуации детей. Дважды мама ставила на них чемоданчики с нашей одеждой, снова снимала их и уводила нас домой. Её сердце не позволяло расстаться с нами.

Как только начались бомбежки города, взрослые нашего дома (мы жили на Кондратьевском пр., д. 48) начали во дворе рыть траншею для укрытия. Вырытая траншея за несколько дней наполнилась грунтовыми водами, поэтому по сигналу воздушной тревоги мы с мамой и сестренкой



бежали в бомбоубежище дома напротив. Тревоги становились все чаще и чаще, чувство страха притупилось, мы перестали укрываться в подвалах, оставаясь дома, при страшных бомбежках стояли в проеме дверей.

В квартире крест-накрест заклеивали окна бумажными полосками, затемняли окна шторами или одеялами. Помню, как в небо поднимались аэростаты воздушного заграждения.

Первые два месяца мы еще занимались в школе. Становилось холодно. Занятия прекратились. На талоны из продовольственных карточек в школьной столовой иногда получали мучную «бланду», кусочек соевого шрота, немного соевого молока. Но и эта помощь скоро кончилась.

Папе 8 ноября 1941 года удалось несколько часов побыть дома. Радость была бесконечная: это был его и мой день рождения. Папа принес нам почти целую буханку хлеба...

Мама, насколько было возможно, сохраняла порядок в доме. 375 граммов тяжелого черного блокадного хлеба, получаемого по двум детским и иждивенческой карточкам на день, она делила на три равные части и выдавала нам кусочками утром, в обед и вечером. В так называемый суп, из которого мы мгновенно выпивали жидкость, она разрешала доливать кипяток не более двух раз. Люди очень отекали.

До войны я была заводным и подвижным ребенком, за лето снашивала до шести пар обуви, чем очень огорчала маму. Моя подвижность и любознательность сослужили нам в войну неплохую службу.

За нашим домом стояли только деревянные дома. В некоторые из них попали бомбы, дома горели. Жильцов в них не было. Я видела, как взрослые растаскивали оставшиеся доски и бревна. Даже мама не могла представить, как бревна, которые были в 2–3 раза выше меня, я втаскивала на четвертый этаж «сталинского» дома.

Удалось запастись дровами надолго. Нужно было их распилить, наколоть. Тепло в городе в эту страшную морозную зиму ценилось почти, как хлеб и вода. Вместе с соседями мы ютились на небольшой кухне у теплой плиты.



Не стало в доме воды. Огромные очереди выстаивали, чтобы наполнить чайники из водопровода сгоревшего соседнего дома. Когда замерзли и эти трубы, мы с мамой привозили воду на санках с Арсенальной набережной, где черпали ее из пробитых во льду Невы лунок.

Наш дом промерзал. Нас приютили знакомые. У них была круглая довоенная печка между двумя комнатами, но у них не было дров. Наши дрова спасли нас на время. Но в этом доме мы завшивели. Помню, как безутешно плакала я, не понимая маму. Как можно было отдать 100 г такого дорогого хлеба за 10 кусков мыла.

Все было в блокаду: и доброе, и злое.

Очень тяжело заболела мама. Необходим был бактериофаг. Врач направил меня в аптеку № 24. Прибежала в аптеку. Отказали, сославшись на отсутствие лекарства. На улице ко мне подошел мужчина, слышавший наш разговор, сказал, что лекарство в аптеке есть, но, чтобы получить его, я срочно должна идти в райком партии на улицу Комсомола. Там мне помогут. Долго сидела в коридоре райкома. Кто-то подошел ко мне, расспросил, я плача все рассказала.... Лекарство мне в аптеке выдали.

Нас разыскала бежавшая от немцев из г. Колпино родственница. Осталась ночевать. На третий день мне удалось по карточкам выкупить вперед наши 375 г хлеба. Мама отрезала всем четверым по тоненькому кусочку. Утром, когда родственница ушла, мы увидели крошки хлеба на ватнике, на котором она спала. Ночью, потихоньку от нас, она одна съела свой паек хлеба. Теперь я ее не осуждаю. Голод превращал людей в зверей. Да и детей у нее не было. Это наша мама делилась последним.

Папа выслал с фронта аттестат. На эти деньги можно было купить немного хлеба. Доставали этот хлеб с трудом. По предварительной договоренности стучу в квартиру женщины, работавшей в булочной. Протягиваю деньги ее дочери, моей ровеснице. Мать спрашивает ее, кто пришел. Девочка отвечает: «Попрошайки»...

Однажды мы навестили подругу мамы. Незакрытая входная дверь в квартиру. На кухне на плите сидят три ее маленьких сына, опушие, словно стеклянные.



Она — напротив. Плачет и поет: «Широка страна моя родная...». Каким-то чудом эта семья выжила. Дочка ее старшего сына, великолепный врач Ирина Альбертовна Лоева работает в нашей академии.

31 декабря 1941 года мама сварила последнюю горсточку пшенной крупы.

Зима 1941 — 1942 года была страшная. Все, что было возможно, мама выменяла на продукты, мы съели столярный клей и бутылку олифы. Очень ослабли мама и сестренка. Я была покрепче. Почти всю войну я отоваривала продовольственные карточки, ни разу их не потеряла.

Отдушиной были радио и письма с фронта от папы. Зная наше положение, папа написал письмо в свою организацию с просьбой помочь его погибающей семье.

В марте к нам пришел секретарь партийной организации учреждения, в котором до войны работал папа. Он принес в узелке кусочек кокосового жира и мешочек соевой муки. Он увел меня с собой. Таким образом, я и дочь еще одного сотрудника стали воспитанницами организации, название которой я, к сожалению, не помню. Нас прикрепили к столовой, в которой мы питались один или два месяца. Жили мы на Фонтанке, недалеко от теперешнего Дома дружбы. Дома маме и сестренке осталась моя детская карточка. Глубокий поклон памяти этим людям. Когда я вернулась домой, сестричка лежала в Педиатрическом институте, мама устроилась на работу, получила рабочую продовольственную карточку.

Весной 1942 года учителя 132-й школы начали вызывать нас в школу. Дети, потерявшие родителей, находились в школе на казарменном положении. Мы убрали школу, готовили ее к занятиям. Невозможно забыть наших добрых учителей. Колтунова Лидия Саввична организовала в школе кружок художественного слова. На первом занятии она начала читать нам «Слово о полку Игореве».

Она создавала монтажи из разных произведений, мы выступали с ними перед ранеными в палатах 1-го Ленинградского медицинского института.

30 мая 1942 года поступило распоряжение Исполкома Ленинградского областного Совета народных де-



путатов и Бюро обкома ВКП(б) мобилизовать в помощь колхозам и совхозам для проведения прополочных и уборочных работ учащихся вузов, техникумов и школ (6–10 классов). Нормы работ для детей были, как и у взрослых. Грядки для прополки были бесконечны: до самого горизонта.

В решении Ленгорисполкома № 85 п.1 от 25 декабря 1942 года об итогах соцсоревнования подсобных хозяйств и организаций Ленинграда по уборке урожая овощей 1942 года особо отмечается хорошая работа учащихся школ города, в том числе 132-й школы, на полях совхозов и подсобных хозяйств.

В декабре 1943 года в райкоме партии Красногвардейского района нам вручали медаль «За оборону Ленинграда».

Мама почти 60 лет хранила мое письмо, отправленное ей в больницу 29.12.1943 года: «Мамуся, свою медаль “За оборону Ленинграда,, я ношу с честью и надеюсь не опозорить ее».

В жизни я стараюсь следовать своему обещанию.

Хочу низко поклониться памяти моей мамы, папы и всех, кто помог нам выжить в эти страшные годы.

Жизнь нашего поколения трудно считать благополучной, но ее можно считать достойной: мы много видели, пережили, стараясь отдавать душевные силы тем, кто слабее нас, кто в этом нуждался. И нам есть, о чем рассказать тем, кто вступает в жизнь сейчас, в XXI веке.





Анна Андреевна ГОЛАНД

Я родилась 8 января 1927 года. Всю блокаду прожила в Ленинграде, видела много горя, людей, умерших от голода, раненых, искалеченных войной.

Мой отец, Жеглов Андрей Иванович, воевал, дошел до Германии. В 1944 году под Бреслау был очень тяжело ранен и отправлен в госпиталь в Челябинск, пролежал там полтора года, перенес восемь операций. Моя семья — мама Пелагея Михайловна, старшая сестра Александра и братик Виктор — пережили все дни блокады в Ленинграде.

Помню такой случай. Когда была очередная бомбежка, и мы все должны были бежать прятаться в большое удобное бомбоубежище, моя мама сказала: «Не пойдем туда, а спрячемся в другом погребе; он хоть и не так удобен, но поближе».

Я, мама и сестра Шура, подхватив маленького брата Витю, которому не было и полугода, побежали туда. Когда налет вражеской авиации закончился, мы вышли из нашего укрытия и увидели, что помещения, куда мы хотели вначале идти, уже нет. На его месте зияла огромная воронка от попавшего в это место снаряда. Тогда бомбили и обстреливали по несколько раз в сутки, снося здания до самого основания.

Так мы уцелели в тот раз.

Мои родители родились и жили в Калининской области (Тверской) Бежецкого района. У них был хутор, который назывался 25 октября. Именно там мы, трое детей: сестра

Александра, я — Анна и брат Николай (умер в 1939 году уже в Ленинграде), и родились.

В 1932 году, когда создавались колхозы, мои родители продали все хозяйство и уехали в Ленинград. Отец закончил в Ленинграде сельскохозяйственное училище и стал работать агрономом в совхозе Ручьи. Ему была предоставлена жилплощадь на хуторе Ильинка, которая принадлежала совхозу. Находилась она на стыке двух проспектов — Кондратьевского и Мечникова.

Живя на хуторе Ильинка, я училась в начальной школе с 1 по 4 классы. Когда на проспекте Мечникова открыли новую школу, где теперь находится отделение милиции, я пошла учиться в нее и проучилась там 5—7-е классы. До войны, т. е. в 1941 году, я закончила 7-й класс. Помню тот день. В школе был выпускной праздник. Так как я была отличницей, меня наградили почетной грамотой и вручили учебники для 8-го класса. Шла домой на Ильинку, была счастливая, веселая, с хорошим настроением. Подходя к дому, услышала сообщение по репродуктору: объявляли о начале войны, о том, что на нашу страну напала Германия. Мне было 14 лет.

1942 и 1943 годы не училась и не работала, так как в семье появился маленький брат Виктор. Нужно было ухаживать за ним. Мама очень тяжело болела. Старшую сестру Александру взяли на лесозаготовки, отца на фронт, так что с годовалым братом нам приходилось выживать.

В 1942-м Ильинка была разрушена, всех уцелевших жильцов переселили в разные места. Нашу семью поселили по адресу Кондратьевский проспект, дом номер 73. В новом доме погибла от бомбежки паспортистка. Управхоз пришел к нам домой по поводу прописки и рассказал об этом несчастье. Мой отец рекомендовал меня на работу, сказав, что я толковая девушка, хотя мне было всего 15 лет. Тогда нашей семье была нужна рабочая карточка на питание, поэтому эта работа имела очень большое значение для всех нас. Управхоз согласился принять меня с месячным испытательным сроком. Я составляла списки жильцов, ходила по квартирам вместе с милиционером, собирала сведения о проживающих, ушедших в армию, эвакуированных и погибших. Я видела все ужасы и трагедии семей.





Красноармейцы с пулеметом «Максим» идут по улице Ленинграда

Испытательный срок прошел, и меня приняли на работу. Я пользовалась большим уважением среди жильцов, отработала паспортисткой полтора года.

В 1943 году отца взяли на фронт, и домой он вернулся только в 1947-м, так как с войсками дошел до Бреславля в Германии, где был тяжело ранен и долго лежал в госпиталях. А я пошла учиться на медсестру в медицинское училище при Педиатрическом институте. Нас, студентов, посылали на торфоразработки в Ленинградскую область и называли «девчонками-торфушками». Летом 1944 года нас отправили на Синявинские болота, где проходила линия фронта. Там мы жили в палатках. Нами командовали опытные женщины, они следили за выполнением нормы и только после этого отпускали. Немецкие самолеты на бреющем полете постоянно летали над нами, обстреливая из пулеметов, а мы прятались под фанерные тачки, в которых возили торф. Летчики настолько низко летали, что мы видели их лица в очках. Было очень страшно.

Убили двух моих сокурсниц, и несколько человек были ранены. Торф грузили в вагоны, которые пригоняли



Илья Голанд с дочерью

по узкоколейке. Мы очень уставали, еда была чрезвычайно скудная. Одна девчонка сочинила такие стихи, и мы их пели:

«Дождь идет, и рада вся наша бригада.
И в палатке нашей пахнет Ленинградом.
Суп из торфа, второе из лягушат,
Вода из лужи с головастиками...».

В эти минуты каждый из нас думал о своих родных: живы ли они, уцелели ли от бомбежек и обстрелов?

На другой год летом мы работали в районе станции Дунай, возвращались после такой работы обессиленными, черными, изголодавшимися. Моя бабушка Анастасия, жившая на станции Пискаревка, работала в совхозе и подкармливала после торфоразработок: варила овощной суп из свеклы и моркови. Это помогало восстанавливать силы, и я продолжала учиться. Бабушка говорила: «Читай Библию, и Бог поможет».

Моя сестра Александра устроилась работать на почту, так как нужна была рабочая карточка. По разнарядке осенью 1942 года юношей и девушек пятнадцати—





шестнадцать лет организовывали и отправляли на лесозаготовки. Шуре было шестнадцать, когда она уехала на лесозаготовки под Ленинград, в район станции Всеволожская. Жили они в землянках, им выдавали паек как военнослужащим. Это был очень тяжелый труд: валили деревья, обрубали ветки, пилили бревна ручной пилой. Норму выработки было очень трудно выполнить.

В январе 1943 года, когда блокада была прорвана, несколько бригад, в том числе и сестру, отправили на только что освобожденную от немцев станцию Вырица. Александра захала домой, но так как дома никого не застала, оставила записку с адресом, где она будет находиться, с просьбой привезти теплые вещи и обувь.

Я поехала с вещами к ней по этому адресу. Когда сошла с поезда, увидела, что станция Вырица разрушена, кругом развалины, все дымилось. Нашла сестру с трудом. Они жили в бараках, кроватей не было. Спали на полу, на матрацах, набитых соломой. Я осталась на ночь, и мы спали

вместе, прижавшись друг к другу. Было страшно и жутко, жалко было смотреть на молодых девушек. Работа была ежедневно неизменной: пилить деревья, таскать бревна. Заготовленные дрова грузили в вагоны. В общей сложности Шура отработала на лесозаготовках три года. Здоровье было подорвано, все время болели и распухали ноги, так как приходилось долгое время ходить в холодных резиновых сапогах. За эту работу Александру Андреевну Жеглову наградили медалью «За оборону Ленинграда».

Не могу забыть День снятия блокады 27 января 1943 года.

Накануне я была на дежурстве в больнице при Педиатрическом институте, где проходила практику от медицинского училища. В окнах все полыхало. Слышался раскатистый гул артиллерийских снарядов, все гремело. Казалось, что разверзлась земля, было так страшно! Когда время моего дежурства закончилось, и я вышла на улицу, то увидела необыкновенное по силе зарево. Охватывал ужас.

Я дошла до Финляндского вокзала и долго стояла там от испуга. Потом пошла, как обычно, по Арсенальной набережной к маме в больницу, забрала братика Витеньку из яслей, и мы вернулись домой. Наша семья жила в деревянном многоквартирном доме на первом этаже в двухкомнатной квартире с отдельным входом. Мы легли спать. Я не могла заснуть. Тарелка репродуктора тихо, мерно отбивала ритм... Вдруг, примерно в 4 часа утра, зазвучала музыка. Было сделано сообщение, что блокада Ленинграда прорвана. Утром 27 января люди вышли на улицы, ликовали, радовались, пели песни, надеясь на скорое окончание войны. Но до окончания войны было еще два года...

Мой отец, Андрей Иванович Жеглов (1902–1986), женился на моей матери, односельчанке Пелагее Михайловне Бодуновой (1906–1994). Родом они из Тверской (Калининской) области, Бежецкого района. Они жили в собственном доме и вели одно хозяйство с родителями. У них было четверо детей: старшая дочь Александра, я – Анна, сыновья Николай и Виктор.

Мой дедушка, Жеглов Иван Петрович (1878–1943) и бабушка, Анастасия Ивановна (1881–1972) имели свой хутор, 19 десятин земли (примерно 19 гек-



таров), выкупленных еще моим прапрадедом по отцу в 1861 году, 3 дома, смоляной завод, ригу, коров, лошадей. Их дети — Андрей (мой отец) и Татьяна. Взрослые очень хорошо знали сельское хозяйство, летом все вместе занимались им. Бабушка Анастасия рассказывала, что в 20-е годы к ним заходил человек из сельсовета, вырывал куст выросшей ржи, клал его на плечо и говорил: «Какое хорошее жито растет у тебя, Анастасия». В зимний период мужчины семьи постоянно уезжали в город (Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград) работать.

Семья жила дружно и счастливо. У деда был граммофон, а главным сокровищем — коллекция пластинок, в том числе Веры Холодной и Александра Вертинского, которые в то время были запрещены. Дедушка любил слушать музыку, знал певцов, умел и любил играть на аккордеоне. Бабушка Анастасия была веселой, знала много песен и очень хорошо пела. Она была плясуньей.

Дед Иван был грамотным и умным человеком, очень любил собирать видовые открытки. У него было много коллекционных альбомов.

В 1945 году после окончания училища у меня был месяц отпуска. Мама отправила меня к бабушке Евдокии в деревню Коровкино Калининской области, где она жила с 1943 года после эвакуации из Ленинграда. Ее дочь Анастасия решила показать мне мою малую родину, место, где я родилась, — «Хутор 25 октября» Бежецкого района — как записано у меня в паспорте. Тетя показывала и рассказывала мне о хуторе, где жили все наши родственники до 1932 года, и откуда меня в возрасте пяти лет увезли. Мы увидели заросшую кустарником и крапивой огромную заброшенную территорию без построек. Ничего не осталось...

В 1945 году я видела, как у кинотеатра «Гигант» вешали на виселицах немецких офицеров — это было жуткое зрелище, но фашисты того заслужили. Блокаду Ленинграда, которую нам пришлось пережить, никогда не забыть. Голод, холод, бомбежки и обстрелы и потери близких людей — это ужасно.

В 1946 году я вышла замуж в возрасте 19 лет и переехала жить к мужу Илье Голанду на Кировский проспект, дом



26/28, квартиру на первом этаже в этом огромном старинном доме ему дали от Ленгорисполкома.

Мы с мужем и детьми приезжали в гости на Кондратьевский проспект домой к моим родителям и сестре с ее семьей на все их семейные торжества, их дни рождения. Мы дружили семьями и всегда передавали друг другу донашивать детям их вещи. Моя мама и сестра, ее муж Николай были очень гостеприимными — мясное, салаты «оливье», «селедка под шубой», бабушкины пирожки с капустой помнят все мои дети, помнят даже, какими они были на вкус.

Деревянные дома, в которых мы жили, после войны были снесены, а всех жильцов переселили. Так что, того дома № 73 на Кондратьевском, в котором я жила, теперь уже нет. На этом месте теперь стоят новые очень красивые высотные дома. На противоположной стороне Кондратьевского проспекта — кирпичный дом номер 60, старой постройки, так и стоит до сих пор.





Ангелина Николаевна ПЕТРОВА

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, а 30 июня мне исполнилось 6 лет.

С войной я встретилась в первый же ее день. С бабушкой, дедушкой и родителями отдыхали в районе г. Териоки (теперь Зеленогорск). 22 июня было воскресенье. Родители рано утром ушли купаться на залив, а когда вернулись, уже объявили о войне. Родители сразу же уехали в Ленинград. А ночью прилетели финские самолеты, и началась страшная бомбежка. Все кругом гремело, рушилось, полыхало от огня, взлетало на воздух. Хорошо, что не разбомбили железнодорожные пути. Рано утром дедушка посадил нас с бабушкой на поезд, а сам добирался до города пешком, так как в поезде не было мест.

Отца забрали на фронт во второй день войны. Папина часть находилась в Рыбацком. В июле мы с мамой на трамвае ездили его навещать.

Немцы стремительно подбирались к Ленинграду. Заняли все знаменитые пригороды – Пушкин, Павловск, стояли на Пулковских высотах. 8 сентября город уже был окружен вражеским кольцом. Ввели карточную систему. Продуктовые карточки были для рабочих, служащих, детей

и инвалидов. С осени в Ленинграде ввели светомаскировку — на всех окнах плотные темно-синие шторы, они не пропускали ни малейшего света. Все памятники укрывали мешками с песком и зашивали деревянными досками, а коней с Аничкого моста закопали в землю. Купола Исаакиевского собора, шпиль Адмиралтейства, шпиль Петропавловской крепости были накрыты сетками, так что с высоты птичьего полета позолоты не было видно.



Мы не успели заметить как началась суровая и холодная зима.

В городе замерло все — не было электричества, парового отопления, замерз водопровод. Работало только радио: стучал метроном, передавали сигналы воздушной тревоги, иногда звучала музыка и патриотические стихи. Город жил и боролся... За водой приходилось ходить на Неву. Привязывали большой бак к саням, брали алюминиевые ковши, зачерпывали ими воду из Невы, наполняли бак до краев и шли обратно. Холод был жуткий, полынья замерзала мгновенно.

В комнате стояла «буржуйка», чтоб хоть как-то обогреть комнату, труба от нее выведена была в форточку. Дровами служило все: стулья, столы, шкафы, тумбочки, книги, табуретки (к сожалению, мы сожгли за ту зиму всю домашнюю библиотеку). Даже обои были содраны со стен и тоже пошли на обогрев.

Хлеб бабушка резала на маленькие-маленькие кусочки сантиметр на сантиметр и подсушивала на «буржуйке». Я не могла дожидаться, когда получу этот заветный ломтик. Есть хотелось всегда...

Идя по улице, можно было заметить замерзших мертвых людей. Они сидели, примостившись к стенам домов, кто-то просто лежал посередине улицы. Конечно, их





Советская 85-мм зенитная пушка 52-К образца 1939 года на набережной в Ленинграде

забирали и увозили, но мертвецов было так много, что отряды дружинников — в них были, в основном, девушки — просто не успевали. Все трупы свозили к братским могилам.

В эту холодную и беспощадную зиму умер мой дедушка...

Но жизнь продолжалась. Весной город начал оживать. Стала расти крапива, лебеда, просто трава. Варили зеленые щи и пекли травяные лепешки. Горожане вскапывали все парки, скверы, каждый участок земли и сажали капусту и другие овощи.

В третью блокадную зиму пришло освобождение! Это было 27 января 1944 года.





София Борисовна ЩЕРБАКОВА

Когда началась война, мне было 15 лет. Жили мы в Новой Деревне, там, где сейчас проходит железная дорога. Недалеко от нашего дома стоял аэродром. Его и железную дорогу фашисты пытались уничтожить, поэтому, помню, как нас все время бомбили. Но немецкие самолеты сбивали, и они падали прямо на Серафимовское кладбище, а мы дети бегали смотреть, как дымятся останки немецкой техники. В ноябре разбомбили наш дом, и нас переселили в комнату на Крестовском острове.

Мой брат был не на много старше меня. А в 1941 году, не успел он окончить школу, как его призвали в армию. В сентябре 1941 года началась блокада, а это значит, что пришел голод и холод. В ожидании маленького кусочка хлеба весом 125 граммов нам приходилось выстаивать огромные очереди.

Шли дни...

29 января 1942 года умер отец, в апреле умерла мать.

За водой ходили с сестрой на Неву. Передвигаться по городу было страшно, всюду рвались снаряды. Но делать было нечего, поджимали плечи и шли дальше.

Сестра закончила фельдшерскую школу, и ее взяли в армию в Ленинградское МПВО. Я отучи-





лась в ПТУ и получила образование электросварщицы, но работать я не могла, так как мое самочувствие ухудшалось с каждым днем. Когда мне исполнилось 17 лет, я, как и сестра, попала в Ленинградскую армию МВПО. Выглядела я к тому времени ужасно, у меня была последняя степень дистрофии. Когда мне дали завтрак, я плакала. В МПВО меня кормили 3 раза в день, благодаря такому питанию я и выжила. На наши плечи ложился большой фронт тяжелых работ: мы разбирали город после бомбежек, вытаскивали людей из го-

рящих домов, счищали лед с крыш домов, носили больных на себе в медпункты. Ночью нас поднимали разгружать вагоны с бревнами. Бревна были длинными и очень тяжелыми. От голода и усталости люди падали и умирали на ходу, прямо на улице. Но, видя всё это, мы уже не боялись. Привыкли к смерти.

После снятия блокады, после демобилизации я принимала активное участие в восстановлении города. Пошла работать электросварщицей на завод, затем три года отработала водопроводчицей. Потом пошла работать на обувную фабрику «Скорород», отработала 35 лет, ушла на пенсию. Мне 87, пока живу...





Галина Алексеевна КОРОЛЬКОВА

**Память!.. У памяти разные лица...
То угаснет, то озарится**

Сейчас мне 77 лет. А тогда, в те далекие военные годы было всего 4,5 года. Жили мы на ул. Памфилова, что на Большой Охте. Дом у нас был деревянный, с печным отоплением. Отец был призван на фронт, а мама с тремя детьми осталась в городе. Слово «война» было чем-то страшным. Помню темноту, холод и боль в животе, от голода. Во дворе был вырыт окоп, где мы прятались во время бомбежки. Всегда хотелось есть. Ели столярный клей (из него получалось что-то вроде желе).

Бывало, мама стояла в очереди в булочную ночами, а хлеб так и не привозили, а мы «дети» оставались дома одни (старшей сестре было 13 лет). Когда окружающие дома попадали под бомбежку, мы с ужасом ждали, чтоб только не в нас. Помню себя закутанную в большой мамин платок, стоящую у печки, холодную и напуганную. Крошки хлеба подбирали дочиста. Во время налета брат (ему было 10 лет) брал чемоданчик с документами, се-



стра брала меня, и мы бежали во двор в окоп. Так жили мы до апреля 1942 года, самая трудная зима 1941-го была позади.

В апреле 1942 года был последний этап эвакуации. Нас везли по льду Невы до Финляндского вокзала, оттуда до Ладоги, а затем на грузовых машинах по льду Ладожского озера. Колеса машин были наполовину в воде, лед начинал таять. Дальше наш путь был на поезде, в товарных вагонах. По пути на станциях снимали детей и взрослых, заболевших в дороге. Маму и брата на одной из таких станций сняли, оказалось, навсегда. Поезд тащился 20 суток до Калининской области, до города Весьегонска. Стояли в тупиках. На одной из станций наша тетя отстала от поезда, и мы остались одни, но плакать не было сил. Но есть добрые люди, они помогли нам найти нашу тетю. Маму и брата мы больше так и не видели. Воспитывала и растила нас с сестрой тетя в Вологодской области. Многие блокадники ушли из жизни, но память о том трудном военном времени должна жить вечно. Я работаю 58-й год в школе. Рассказывая детям о тех страшных годах, заканчиваю словами Ольги Берггольц:

«Дорогой жизни шел к нам хлеб,
Дорогой дружбы многих к многим,
Еще не знают на Земле
Страшней и радостней дороги».





Игорь Борисович ШАПИРО

27 января 2014 года исполнилось 70 лет со дня полного снятия блокады Ленинграда. Таких мучений и стойкости не испытал ни один город мира.

На 8 сентября 1941-го, момент начала блокады, в городе было 2,5 миллиона человек. Почему никто не уехал из города? Люди надеялись, что война закончится быстро, никто не хотел потерять все нажитое.

Город лишился сообщения со страной, прекратился подвоз продовольствия и оружия. Было принято решение о создании «Дороги жизни» через Ладожское озеро. Сотни тысяч людей были вывезены на «Большую землю». Был проложен путепровод для подачи в город бензина, нефтепродуктов, электрокабель.

В марте 1942 года, когда мне было три года, мы с матерью были вывезены по «Дороге жизни» из города, и, когда мы переехали на другую сторону, мои ноги распухли так, что пришлось разрезать валенки ножом. Ехали в вагонах, совершенно не приспособленных для этого. Когда мы подъезжали к станциям, у нас всегда спрашивали: «Есть ли покойники?». Конечным пунктом нашего пути была деревня Сугушла, в 40 км от города Бугульмы (Татарстан). Еды не хватало, более того, еды просто не было, ели крапиву, траву.

Война закончилась, но так просто мы не могли попасть домой. Нужно было получить приглашение. Мы с мамой получили его и вернулись домой, город был похож на развалины.





Галина Владимировна КОЛОКОЛОВА

Я, Колоколова Галина Владимировна, родилась 7 марта 1941 года в Ленинграде. Корни крестьянские, отец, Красулин Владимир Иванович, 1912 г. р., ярославец, мать, Тереньева Наталия Степановна, из-под города Старая Русса, 1905 г. р.

В начале августа 1941 года отец отправил семью в Ярославскую область. Поезд бомбили, лежали на насыпи, мать укрывала меня своим телом. Отца призвали в армию, воевал на Ленинградском фронте, попал в плен, вернулся в 1946 году. Мама с нами детьми (брат — 1929 г. р.) вернулась в освобожденный от блокады город в 1944-м. Наш дом на Приютской ул. (Возле Политехнического института) был разрушен, и мы поселились в огромной коммунальной квартире в бараке, где в войну жили летчики.

Послевоенный, послеблокадный наш быт был очень трудным. В комнате 14 квадратных метров ни окон, ни дверей, подросток-брат из обломков старался утеплить наше жильё. Посередине комнаты стояла печка-буржуйка с трубой, выходящей в окно. Посуды не было, приходилось есть из таза по очереди одной ложкой. За хлебом ходили в булочную у Политеха, норма по карточкам — постоянное чувство голода.



На этом маршруте мама дала мне первый урок милосердия. На стройке Физтеха работали пленные немцы, которых охранял часовой. Среди рабочих мама заметила больного старика и послала меня через дорогу с куском хлеба: «Не бойся, тебя не тронут». До сих пор помню старческие слёзы, упавшие на мою руку с хлебом.

Я закончила школу № 103, поступила в Приборостроительный техникум, затем на вечернее отделение Политеха. В 1967 году вышла замуж за Колоколова Вячеслава Вячеславовича, в 1969-м у нас родилась дочь Мария. С 1970 года преподавала в своем техникуме «Автоматизацию производства». В 1994-м ушла на пенсию по инвалидности. Муж скончался в 2001 году. Вечная ему память.

Мой муж, Колоколов Вячеслав Вячеславович, родился 27 мая в 1936 году в Ленинграде. Отец его, 1904 г. р. Вячеслав Иванович происходил из семьи потомственных железнодорожников, дед моего мужа был начальником станции Б. Вишера. Мать его Мария Петровна 1908 г. р. родом из деревни Горнецко под Вишерой — домохозяйка. В 1928 году семья переехала в Ленинград, где отец работал на Финляндской ж. - д.





машинистом. Жили на станции Ржевка, затем на ул. Комсомола, дом 35.

После первой блокадной зимы весной 1942 года отец отправил семью в эвакуацию в Казахстан (курорт Боровое), а сам всю войну работал на дороге, возил людей из города к Ладоге. Был награжден после окончания войны орденом Ленина. Семья соединилась в Ленинграде после снятия блокады. Взрослые работали, дети учились (старшая сестра мужа Галина Вячеславовна 1929 г. р.). После окончания школы Вячеслав Вячеславович в 1958 году служил в армии, был отозван в 1960-м в связи с кончиной отца в помощь заболевшей матери, поскольку сестра с семьей жили в Рязани. В 1965-м мой муж закончил Ленинградский железнодорожный институт, работал инженером, с 1971-го — пре-



подавателем технических дисциплин в среднем учебном заведении. Это был образованный, начитанный и очень скромный человек, дружелюбный, с чувством юмора, умелец, увлекающийся путешествиями — проехал водным путем от наб. Финляндского вокзала Невой через озера Ильмень в Новгородские пределы («из варяг в греки»). Он оставил о себе добрую память у всех, с кем соприкасался в земной жизни.

ОНИ ИЗ БЛОКАДЫ

(из воспоминаний семьи Колоколовых)

*«... А не то рвану по следу —
Кто меня вернет?
И на валенках уеду
В сорок пятый год.
В сорок пятом угадаю
Там, где — Боже мой! —
Будет мама молодая,
И отец живой».*
Геннадий Шпаликов

Смотрю за окно — то дождь, то снег.
Услышь, отзовись, мой родной человек.
Какой же страшной зима та была!
В квартире этой семья жила.
Снаряды рвались, сотрясался весь дом,
Тревожно и грозно стучал метроном.
Отец машинистом был на дороге,
Семья находилась в великой тревоге;
Тоненькой ниткой на Ладогу шла,
Таким же фронтом «Дорога» была.
Нещадно немцы ее бомбили
Голод и холод людей косили.
В ноябре по «Дороге» помощь пришла,
От «Скорой Послушницы» та милость была.
Кусочек хлеба крохотным был,



Его как лекарства сынок просил.
От стужи гибли воробьи и синицы,
Сварили суп из замерзшей птицы.
(Крошки хлеба для вас со стола сберегу,
Птички малые, мы перед вами в долгу).
За стенами дома Финляндский вокзал,
На крайней платформе прицеп стоял.
В нем трупы погибших в блокаду возили
И в братских могилах их хоронили.
После войны не забудут о том,
Начало Дороги отметят крестом.
Отец семейство отправил в тыл,
А сам всю войну на «Дороге» служил.
Вдали от фронта, заслышав гром,
Сынок малолетний разбудит весь дом
И закричит, пугая ребят:
«Скорее в убежище, опять бомбят!»
Два года разлуки, и вот награда —
Свободен город, снята блокада.
День тот январский памятным был —
Весь сонм преподобных Бога просил,
С Владычицей вместе, Творца умоляя,
Апостолам равная, Нина святая.
Еще шла война, и быт был суров,
Но собралась семья под единый кров.
Отец уцелел — исхудал, изможден;
Он был высшим орденом награжден.
Трудились, следы войны убирали,
В разбитом дворе деревья сажали,
И из нужды выходя понемножку,
На Пискаревке копали картошку.
По скудости крайне голодных тех лет
Любимейшим блюдом был винегрет.
И мебели был небогатый набор,
Блокадный буфет у меня до сих пор.
«Зингер» старинный стоял у окна,



Склонялась мать над ним допоздна.
Строчила одежду семье, а не то
На нем «лицевала» чужие пальто.
Недавно свезли на свалку диван;
Чудно назывался он — «оттоман»(ка).
Подушки, валики — красота!
Ручной работы чехлы из холста.
Приемником старым ловили эфир —
Любили слушать, чем дышит мир.
Досуг же их мы представим едва ли —
Цветы по канве всей семьей вышивали.
Бывали печали, случалось грустить,
Кому без скорбей удавалось прожить?
Следы войны не ушли до конца —
Внезапно болезнь уносит отца.
В часовне прощались, его провожая,
Теперь — храм Святителя Николая.
С той поры вдова сорок лет прожила,
В квартире этой она умерла.
Лишь на стене под стеклом, как привет,
Сирени вышит крестом букет,
Лишь шум поездов, уходящих в ночи,
Да след осколка на старой печи,
Да смотрят с портретов на нас как живые,
Наши ушедшие, наши родные.
Всех их поминаю вечерней порой,
Прошу: «Господи, души их упокой!..»
Уходят блокадники один за другим.
Подвиг их жизни неповторим.
Трудились для фронта они как могли,
Себя не щадили, детей сберегли.
Теперь Вы у Бога молитесь о нас,
Чтоб факел любви святой не угас!





Николай Иванович ГУРОВ

Мой прадедушка настоящий герой, совершивший несколько подвигов в Великую Отечественную войну, но чудом оставшийся в живых.

Он родился в страшном 1918 году. В Гражданскую войну остался сиротой, его воспитали бабушка и дедушка. Закончил 10-летнюю школу в Петрограде, в 1934 году поступил во 2-е Артиллерийское училище и в 1938 году закончил лейтенантом. Когда началась война, Николай Иванович воевал на фронтах — с 26 июня 1941 года по 9 мая 1945 года. За время войны получил два тяжелых ранения: одно — в грудную клетку и общая контузия.

В боях отличился героизмом, за что получил орден «Александра Невского», орден Отечественной войны 1-й степени, Отечественной войны 2-й степени и орден Красной Звезды, а также медали: «За оборону Ленинграда», «За взятие Берлина» и другие за взятие немецких укрепленных городов. Его 152-мм пушка обстреливала Рейхстаг.

Среди множества его подвигов я расскажу о тех, которые связаны с обороной Ленинграда.

Советское командование знало, что недалеко от линии фронта немцы устроили концлагерь для русских военнопленных. Николай Иванович вызвался освободить наших солдат и офицеров. Мой прадед был хорошо образован, в совершенстве знал немецкий язык и прекрасно играл на фортепиано. Пользуясь своими способностями, он решил рискнуть. «Гуров снарядил отряд автоматчиков, переодетых в немецкую форму, сам оделся фашистским генералом, и все они отправились в нужный район. Охрана лагеря пропустила “высокого начальника” внутрь, провела по объекту и спросила о пожеланиях. “Генерал” потребовал принести ему... рояль! Инструмент поставили недалеко от ворот, Н.И. Гуров поднял крышку и заиграл русские романсы. Военнопленные, услышав родное, столпились у ограды. Это и нужно было освободителям: автоматчики открыли огонь по немцам, перерезали проволоку, и пленные пустились бегом в лес».

Другой подвиг Николая Ивановича описан в мемуарах Трудо-слава Залесова, однополчанина моего прадеда. Вот какой эпизод читаем в журнале «Нева» за 1977 г., № 2: «Дело происходило у истока р. Невы, где в 1943 году были построены мосты, соединявшие Шлиссельбург с поселком им. Морозова. Здесь проходила единственная сухопутная дорога на Большую Землю. Мосты были названы “Объект 1001”, они постоянно обстреливались, так как за сутки через них проходило до 30 эшелонов. Самым вредоносным орудием немцев была “Большая Берта”, или “Баба Яга”, — тяжеловесная мортира, поставленная на специально проложенные рельсы. Засечь ее никак не удавалось, так как пристрелка велась обычным тяжелым орудием. Подвозили “Берту”, она давала один, но точный залп и исчезала». Майору Гурову был дан приказ — вычислить местоположение пушки и скорректировать по ней огонь нашей артиллерии. Прадед решил использовать для выполнения задания аэростат. Шесть раз он поднимался в корзине дирижабля на 500-метровую высоту, над облаками, но «Берта», как он зло шутил, будто взяла отпуск. На седьмой день погода стояла солнечная, и дирижабль стал виден на много километров. Скоро по телефону Гуров сообщил, что заметил дымок паровоза, везущего «Берту». Но заметили



и его. Вдали точками показались «мессершмитты». Момент был напряженный: пулеметы «мессеров» могли прошить оболочку аэроплана. К счастью, наперерез уже поднимались советские «яки», они увели бой в сторону от дирижабля. Майор Гуров в это время вычислял координаты местонахождения пушки, он передал их вниз, и залпом наших гаубиц «Берта» была серьезно повреждена. Её увезли в Германию. Защитники понтонной переправы ликовали.

Моему прадедушке не поставили пока памятник, но многие места в городе и рядом говорят мне о нем. Когда я проезжаю на электричке мимо церкви святой Екатерины в Девяткино, то вспоминаю случай, как с колокольни этого храма он вел перестрелку для артиллерийской атаки. Катаясь на даче на велосипеде, я проезжаю мимо стелы, поставленной в память героям, наводившим и охранявшим понтонную переправу у крепости Орешек. Там был и мой прадед. В артиллерийском музее стоит теперь гаубица точно такая, как та, с которой прошел войну Николай Иванович. И это тоже памятник прадеду.

Данила и Илья ГУРОВЫ





Юлия Петровна ЛЮБИМОВА

22 июня 1941 года. Ясное солнечное утро. Мне сегодня исполнилось 14 лет. Настроение отличное! Позади шестой класс с круглыми пятерками, впереди длинные каникулы, а на сегодня уже приглашены школьные друзья.

Но все изменилось...

В 12 часов 15 минут по радио выступил народный комиссар иностранных дел Советского Союза В.М. Молотов с сообщением о подлом нападении на нашу страну фашистского агрессора. Люди замерли около уличных тарелок-репродукторов. Лица мужчин стали суровыми, сосредоточенными. Многие женщины начали плакать.

Откровенно говоря, мы как-то не осознали надвигающуюся беду.

Ребята-одноклассники осаждали военкоматы, просились на фронт, хотели защищать Родину и возвращались обратно: пока в их помощи никто не нуждался.

Когда в последних числах июня учеников седьмых и восьмых классов вызвали в школу, явились почти все. Перед нами выступил главный инженер детской желез-



ной дороги Борисов Борис Петрович, который сказал: «Стране и фронту необходим лес. Подмосковье очень богато древесиной, но, чтобы вывезти ее, необходимо в лесах построить железнодорожные ветки. Вы будете работать под руководством взрослых». Таким образом, нам предложили поехать на строительство железной дороги в 60 км от Москвы, недалеко от города Бронницы.

Работали все лето. Строили железную дорогу, начиная от нулевого цикла, то есть расчищали трассу в лесу, делали просеку, корчевали деревья, сооружали выемки и настилы, рыли придорожные кюветы, укладывали шпалы и рельсы. Самые тяжелые работы ложились на плечи мальчиков, которых было не так и много среди нас.

В начале октября нас отправили по домам. Москва за эти месяцы стала неузнаваемой: улицы — малолюдны, окна домов заклеены бумажными полосками, повсюду катакомбы. По вечерам город погружался в темноту, тревожно выли сирены.

Занятия в школе начались в ноябре, но были очень нерегулярными: не было многих преподавателей, да и у нас появилось больше хлопот и забот.

Почти каждый день мы ездили в госпитали, расположенные в бывших санаториях и домах отдыха ближнего Подмосковья.

Раненые бойцы встречали каждый раз нас с радостью. Мы им помогали чем могли: писали письма родным, читали письма от любимых, рассказывали о положении на фронте, рассказывали о жизни москвичей, помогали перевязывать раны, стирать и гладить окровавленные бинты, так как не хватало перевязочных материалов.

Декабрь 1941 — январь 1942 года стали праздником не только для москвичей, ликовала вся страна! Наконец наша армия пошла в контрнаступление и отбросила гитлеровцев от столицы на 150—200 км, освободив подмосковные города, поселки, села и деревни.

«Фашистская машина» впервые во Второй мировой войне была остановлена в подмосковных полях. Но впереди были еще очень долгие и жестокие дни и ночи войны.

Все военные годы у нас, «юных железнодорожников», так нас называли тогда, летних каникул не





было — мы трудились. Каждый год в конце мая уезжали мы на очередную стройку железной дороги все дальше и дальше от Москвы.

Численность отъезжающих почти не менялась (нас было 120—150 человек), хотя собирались сводные отряды из нескольких железнодорожных школ Москвы и Подмосковья, но состав постоянно менялся. Многие ребята не выдерживали испытаний тяжелой физической работой, бытовой неустроенностью, отдаленностью от дома, отказывались ехать на следующий год. Последние два военных лета

строили железнодорожные ветки уже недалеко от г. Мичуринска (ст. Хоботово). Жили в палатках, которые сами ставили. Сбивали топчаны, стелили на них сено, а то и ветки. В общем, лагерь был организован по принципу пионерских лагерей, то есть весь состав распределен по отрядам по возрасту, но во главе отряда стояли не вожатые, а бригады и мастера, которые отличались от остальных ребят только тем, что были на 1—2 года постарше и, главное, работали на строительстве не первый год.

Взрослых начальников-руководителей среди нас было только двое. На трассе самым главным начальником был старший мастер дядя Сережа. Его фамилии и отчества мы никогда не знали. Он определял участок работы для каждого отряда, проверял качество выполненных участков, хвалил нас и переживал вместе с нами все неудачи. Часто давал и житейские советы: чем перевязать пораненную ногу, как отличить гадюку и медянку от безобидного ужа, которые то и дело выползали по-





греться на солнышке на свеженасыпанное полотно дороги. С ним можно было поговорить обо всем.

В лагере был железный порядок, его обеспечивал начальник лагеря Борис Петрович Борисов, замечательный организатор, веселый и жизнерадостный человек, который порой был очень суровым. Правила в лагере касались всех без исключения: все дежурили по кухне, мыли посуду, убирали территорию, ездили в соседние совхозы за молоком и овощами.

Справедливая строгость, жизненная мудрость и какой-то воспитательский талант наших взрослых командиров сделал чудо: их слушались и подчинялись самые хулиганистые и неуправляемые старшие ребята, а младшие их просто обожали.

С нами они проводили все время до вечернего отбоя. Сидели у костра, слушали нас и рассказывали о своей жизни, которая казалась нам тогда очень длинной, а поскольку

у них где-то в Москве уже росли внуки, сами — очень пожилыми. А потом до самого отбоя были песни-песни-песни.

Каждое утро, несмотря на погоду, — линейка, где определялся фронт работ на день, и снова — трасса.

Работа была такой же трудной и тяжелой, как и в прежние годы. Особенно трудной около станции Хоботово была зачистка трассы — сплошной лес огромных деревьев и густые заросли непроходимых кустарников. За эти годы мы научились многому: более умело и ловко обращались с инструментами и приборами, стало меньшешибов, ссадин, травм и порезов. Да и рабочая гордость появилась, когда по готовому участку проходил состав, а машинист паровоза приветливо свистел, приветствуя стоящих на обочине ребят.

Из моей школы выдержали испытания стройкой и стали мастерами немногие, всего 12 человек. В 1944 году мы были награждены медалью «За оборону Москвы». Сейчас нам всем более 80 лет, но дружба тех военных лет, «военное братство» продолжается до сих пор. Мы каждый год встречаемся в Москве летом, хотя давно уже живем в разных городах. Жаль только, что некоторых из нас уже нет с нами. Вспоминаем все хорошее, гораздо реже плохое, с особым чувством вспоминаем, с какой гордостью носили в те годы на своих блузках и рубашках первую боевую награду — медаль «За оборону Москвы».





Владимир Иванович СИЛИН

Полковник в отставке, ветеран Великой Отечественной войны, кавалер трех орденов и 28 медалей, заслуженный работник физической культуры, профессор, академик Балтийской академии педагогических наук.

Возвращаясь к тем суровым и кровавым месяцам 1941—1942 годов, с начала обороны Москвы и наступления наших войск в декабре 1941 года, наши ветераны-спортсмены и все, кто знает, что происходило в то время, склоняют головы перед теми, кто стоял насмерть, но не пропустил врагов-фашистов к сердцу нашей Родины, столице страны — Москве. В этих трудных условиях наши воины, солдаты и советские люди стали победителями.

В начале сентября 1941 года я как спортсмен вместе с товарищем был направлен из десантных войск в Москву на курсы при Военном факультете им. В.И. Ленина при Государственном центральном институте физической культуры им. И.В. Сталина (тогда было такое сочетание имен вождей).

До этого я находился в Саратове и учился на историка в Саратовском государственном университете, закончил 3 курса.

В сентябре 1941 года обстановка в Москве была как в прифронтовом городе: бесконечные бомбежки, создавались боевые дружины, все молодые рвались на фронт, от них не отставали и народные ополченцы, строились



Группа советских лыжников-подрывников на марше. Зима 1943 года.

Источник: ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей».

различные укрепления. Все были наполнены высочайшим патриотизмом, стойкостью и уверенностью — враг не ворвется в Москву! Слушатели Военного факультета и мы — будущие командиры — проявили высокую организованность, дисциплину, готовность сделать все для того, чтобы не пропустить врагов в столицу нашей великой Родины.

В сентябре 1941 года нас, спортсменов, направили на переподготовку, так как в это время формировались отряды омсбрОН — отдельной мотострелковой бригады особого назначения для проведения диверсионных операций в тылу врага. В нее входили выдающиеся спортсмены страны: чемпион СССР по боксу С. Щербаков, Н. Королев, В. Огуренков и многие другие. (Там я познакомился и с моим другом, с которым я был близок многие годы — Иваном Мокропуло. Это настоящий боец, выдающийся спортсмен, чемпион СССР, заслуженный тренер страны, руководитель кафедры лыжной подготовки в Военном институте физической культуры. Скромнейший человек, герой,





совершивший подвиг во время войны.) Этот отряд и отдельные группы действовали в тылу врага, совершая диверсии, — взрывы мостов, железнодорожного полотна, складов с горючим и боеприпасами.

Все передвижения во время операции осуществлялись ночью. Оружие, боеприпасы, взрывчатку, запасы еды — все несли с собой в рюкзаках. Порой вес рюкзака достигал 50 кг. Одежда — полушубки, ватные брюки, сапоги. Мы всегда находились в непрерывном движении на лыжах, спали в одежде. Ночлег устраивали самым примитивным способом: разгребали снег, укладывали ветки хвои, накрывались плащ-палаткой и спали, а морозы были крепкие.

В эту суровую зиму Иван Мокропуло вместе с друзьями успешно выполнял боевые задания. Известно, что всех бойцов отряда представляли к награждению орденом Ленина, но давали «всего лишь» ордена Отечественной войны 1-й степени.

После войны жизнь Ивана была наполнена насыщенной работой в Военном институте физической культуры.

В начале октября 1941 года приказом Государственного комитета обороны была сформирована из личного состава военного факультета боевая рота для ведения оборонительных и боевых действий на Можайской линии обороны, сектор № 3 Северного боевого участка. Воины выполняли задачи по обороне Москвы, а затем по разгрому фашистских войск на подступах к столице. Во время сражения смертью храбрых погиб начальник факультета полковник К.П. Макаров. На многих фронтах дрались наши студенты. Выпускники умело руководили частями и были награждены высокими боевыми наградами. Это генералы М.П. Алябин, Н.М. Кошелев, А.С. Желтов (впоследствии начальник Главного политического управления МО). Участник обороны Москвы генерал-майор Юрий Чихачев позже сражался в Курской битве.

Боевая рота военного факультета выполнила задачу по укреплению оборонительного участка: сооружали землянки в три наката, рыли окопы, готовились к атакам немцев. Нас вооружали винтовками-«трехлинейками», а перед контрнаступлением, к декабрю дали автоматы и сапоги большего размера, чтоб ноги не замерзали.

В конце ноября мне и моему другу Павлу Никулину дали приказ занять огневую позицию на небольшой колокольне, а у нас был пулемет «Максим». Мы его затащили и ожидали наступления немцев. Но началась бомбежка, взрывной волной нас сбросило, и мы вместе с пулеметом упали в глубокий сугроб. Недалеко от того места находился лазарет, так что вскоре мы были обследованы. У нас определили небольшую контузию, но все обошлось.

Рядом с нашей ротой занимали позицию ополченцы из Москвы. Мы были удивлены, что это были солидные и, как нам показалось, пожилые люди. Вот как сражалась Москва! Все, независимо от возраста, встали на защиту нашей Родины стеной.

Слушатели старших курсов военного факультета участвовали не только в обороне Москвы, но и в боях на других фронтах. Боевую задачу с честью выполняли слушатели старших курсов А.Г. Жилиев, И.И. Миронычев, К.Е. Морозов, П.Ф. Попов, И.Ф. Соков. У деревни





Рождество 5 декабря был убит командир роты. Его заменил слушатель И.Ф. Соков. Он возглавил роту, повел бойцов в атаку и выполнил задачу — враг отступил. Сам Иван Соков героически погиб.

5—6 декабря началось контрнаступление наших войск под Москвой, в котором принимала участие и наша рота вместе с подошедшими танками. В это время мы отчетливо чувствовали, что враг будет разбит.

В феврале 1942 года рота вернулась в Москву, но в течение 1942—1943 годов слушатели неоднократно командировались в Москву, в действующую армию для выполнения задач по подготовке бойцов к бою, так как хорошо знали приемы рукопашного боя. Летом 1943 года я был командирован на 3-й Прибалтийский фронт, где встретил своего коллегу В. Якубенку. С ним мы направились на передовую, где было некоторое затишье перед наступлением на г. Мадонна. До фронта 5 км. Нам дали автоматы, и группа из 12 бойцов отправилась по своему маршруту. По пути выяснилось, что сзади высадился десант немцев. Наш отряд принял бой и уничтожил фашистов. После этого

эпизода мы прибыли на передовую и приступили к занятиям по подготовке бойцов.

Личный состав военного факультета с радостью встретил сообщение о славной Победе Вооруженных сил и всего нашего народа. Факультет участвовал в Параде Победы на Красной площади.

В памяти осталось выступление нашей спортивной делегации на замечательном спортивном празднике, посвященном победе в войне, в августе 1945 года на Красной площади. В нем принимали участие спортсмены всех наших союзных республик. Коллектив Государственного центрального института физической культуры и Военного факультета подготовил грандиозное показательное выступление, в котором приняли участие более 800 спортсменов. Мне и моим товарищам, заслуженному мастеру спорта Олегу Бормоткину, мастеру спорта Аркадию Ассорову, поручили выступить с выполнением сложных упражнений на перекладине 8-метровой высоты. Для этого соорудил конструкцию, состоящую из перекладины и двух цельнометаллических качелей слева и справа. Вся эта конструкция была установлена около мавзолея, под ней 120 человек на всякий случай держали натянутый брезент. Мы прыгали с качающихся качелей на высокую перекладину и выполняли сложные упражнения. На площади в это время выступали рукопашники и акробаты.

К нашему удивлению вечером руководителей и нас пригласили в Кремль, где первые лица страны приветствовали спортсменов Москвы и всех союзных республик. Во время приема к нам подошел, очевидно, кто-то из обслуживающего персонала и попросил пройти к руководству страны. Через несколько мгновений мы оказались лицом к лицу со И.В. Сталиным, С.М. Буденным, Г.К. Жуковым и другими известными деятелями. С.М. Буденный курировал в это время спортсменов армии. Я до сих пор не могу вспомнить, кто из членов Политбюро был в том ряду, так как мы не спускали глаз с нашего вождя. Длилось это буквально 1–2 минуты, Сталин сказал нам «Молодцы», и нас увели, после чего мы подняли тост за нашу Родину и полководцев.

В годы Великой Отечественной войны личный состав факультета показал блестящую выучку, орга-

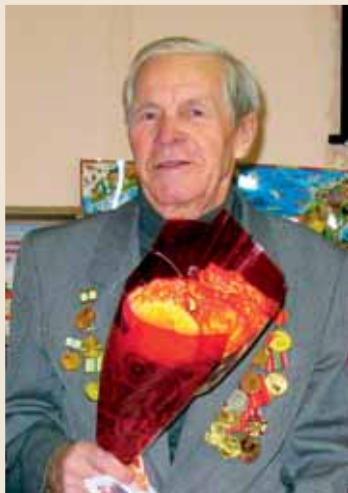


низованность, самоотверженность и сплоченность. Мы выполнили долг перед Родиной. Воспитанники храбро сражались под Москвой и на различных фронтах, с честью пронесли звание специалистов по физической подготовке.

Анализируя те героические поступки, которые всем нам пришлось совершить в годы войны, в памяти моей часто всплывает стихотворение:

Хоть много лет прошло с той даты,
Победу славим мы вдвойне!
Вновь собираются солдаты
И вспоминают о войне.
В те годы всякое случалось,
Бывали трудности в пути,
Войну пройти, как оказалось,
Не просто поле перейти!
Кто победил в войне суровой,
Кто вел к Победе нас вперед,
Об этом говорим мы снова —
Великий русский наш народ!
Наступят времена другие,
Но не забудется война!
Вы, ветераны дорогие,
Носите гордо ордена!
Здоровья вам и долголетия,
Храните бережно сердца,
Всегда, повсюду в жизни верьте
В Победу нашу до конца!





Юрий Георгиевич ПОЛУБОЯРИНОВ

Я родился в Ленинграде в 1931 году в семье служащих. Отец, Полубояринов Георгий Васильевич, работал в Лесотехнической академии имени С.М. Кирова, которую и окончил, в должности доцента. Мама — Шагалова Полина Александровна после окончания сельскохозяйственного института работала в этой же академии в должности старшего лаборанта на кафедре лесных зверей и птиц профессора Доппельмайера. Отец был родом из многодетной семьи, состоящей из трех сестер и четырех братьев. Мой дед по линии отца — Василий Макарович, во время Первой мировой войны служил в войсках под командованием генерала кавалерии А.А. Брусилова и участвовал в знаменитом Луцком прорыве войск Юго-западного фронта (знаменитый Брусиловский прорыв).

Мама тоже происходила из многодетной семьи, но в Гражданскую войну после революции 1917 года не стало ее родителей, обоих братьев и старшей сестры — Екатерины Александровны, участницы женского батальона. Я был знаком только с тремя сестрами мамы: Татьяной, Варварой и Марией.

Жили мы рядом с Лесотехнической академией в коммунальной квартире по адресу: Институтский переулок, дом 5, флигель 6, квартира 56, в двухэтажном кирпичном доме с печным отоплением.



С трех лет до поступления в школу я воспитывался в детском саду, расположенном в километре от нашего дома, на Институтском проспекте напротив Серебряного пруда. Я был частым гостем в семье родителей отца — деда Василия Макаровича и бабушки Серафимы Николаевны, которые жили на набережной Обводного канала, недалеко от Бумажной улицы.

Читать я начал с семи лет. Первой книгой, которую я прочел, была «Следопыт» Фенимора Купера. В 1939 году я поступил в первый класс средней школы № 11, расположенной на проспекте Пархоменко, и проучился в ней только два класса. В 1941 году кончилось счастливое довоенное детство, когда воспитывался массовый коллективизм, было участие в массовых играх (прятки, лапта, 12 палочек, штандер), коллективные походы в кинотеатр «Миниатюр» на Малой Спасской улице (улица Карбышева) на просмотр фильмов «Чапаев», «Ленин в Октябре», «Ленин в 18 году», «Волга-Волга», «Граница на замке» и др. Во время советско-финской войны 1939—1940 гг., когда был введен комендантский час, я часто нарушал его и один раз попал в пикет недалеко от нашего дома.

О нападении фашистской Германии на СССР я узнал по радио из выступления наркома В.М. Молотова. Запомнился на всю жизнь этот солнечный летний день 22 июня. Мы с ребятами нашего дома Вале́й Конаковым, Гено́й Макаровым, Виле́й Цейтлиным сразу стали играть в победоносную войну, изображая на песке танки, орудия, немецких солдат.

Радиоприемник, а также три охотничьих ружья отца пришлось сдать на хранение. Я всегда интересовался сообщениями Информбюро, которые зачитывал диктор Юрий Левитан (один из трех «врагов» Гитлера). Обстановку на фронтах северо-западного направления отмечал на



*Перед поступлением
в школу*



Семья Полубояриновых. Я у мамы на руках, нижний ряд, крайняя справа.

большой карте Ленинградской области. Когда вышло распоряжение об эвакуации детей из Ленинграда (планировалось вывезти около 400 тысяч детей), меня с младшим братом Сашей, которому шел четвертый год, отправили в район Боровичей Новгородской области. Поселили нас

в старинном деревянном доме возле пруда. Пробыли мы в эвакуации недолго. В связи с обострением обстановки на фронте, когда немцы 12 июля вошли в Лужский район Ленинградской области и когда участились бомбардировки Октябрьской железной дороги, пришлось значительную часть детей вернуть в Ленинград. За нами приехала мама. Возвращение было тяжелым. Кое-как добрались мы до узловой станции Угловка Октябрьской железной дороги и с трудом сели в поезд до Ленинграда, который вез раненых бойцов.

В начале июля отец получил повестку явиться в Выборгский райвоенкомат, где был зачислен в ряды народного ополчения Выборгской дивизии.

В окрестностях Ленинграда, да и в самом городе, создавались оборонительные полосы и сооружения. Маскировали от наблюдения с воздуха военные и промышленные объекты. В подвальных помещениях оборудовались бомбоубежища. Укрывались от разрушения скульптурные памятники. Памятник В.И. Ленину у Финляндского вокзала, установленный на площади напротив магазина «Экспресс», был укрыт мешками с песком и обшит досками. В то время Финляндского вокзала в нынешнем виде, как и самой площади Ленина, не было. Укрыт был и Медный всадник, памятник Петру Первому. Кони Клодта на мосту Фонтанки демонтированы. Шпили Адмиралтейства и Петро-



павловской крепости, купол Исаакиевского собора были замаскированы. По ночам в небо поднимались аэростаты воздушного заграждения. Но что поразительно, жители Ленинграда не паниковали, на набережных Невы было много гуляющих, ходили трамваи. Вме-



Юра — слева на перекладине

сте с тем продолжалась эвакуация населения. Уехал мой двоюродный брат Сергей с мамой Татьяной Александровной. Уехал дядя Виктор Васильевич, который работал на сборке танков Т-34 на Кировском заводе. Всю бригаду сборщиков и оборудование эвакуировали в Челябинск. Вместе с дядей уехала моя бабушка Серафима Николаевна. Дедушка Василий Макарович остался в Ленинграде.

18 июля в Ленинграде, Кронштадте, Колпине, Пушкине и в Петродворце согласно Постановлению Совета народных комиссаров СССР была введена карточная система на продажу хлеба, муки, крупы, сахара, масла, мяса и рыбы. Норма хлеба рабочим составляла 800 граммов в день, служащим — 600, иждивенцам и детям — 400. Многие продукты продавались по коммерческим ценам. Отец после 28 июля был освобожден от воинской обязанности до особого распоряжения и приступил к работе во Всесоюзном государственном тресте лесной авиации. В свободное время мы закупаем в коммерческих магазинах продукты долгого хранения (галеты, сухари, печенье, сахар).

На фронте шли упорные бои с фашистскими захватчиками, но, несмотря на активные действия вражеских танковых дивизий, 14—18 июля Лужская оперативная группа советских войск нанесла мощный контрудар противнику недалеко от Новгорода, отбросив его на 40 км в северо-запад-

ном направлении. Однако уже 19 июля войска группы немецкой армии «Север» под командованием фельдмаршала Лееба возобновили наступление и вынудили наши войска отойти на прежние рубежи. Тем не менее гитлеровцам не удалось добиться поставленной цели — с ходу окружить со-



В детском саду. Первый слева в первом ряду.

ветские войска Северного фронта, захватить Ленинград и уже 7 июля праздновать победу в ресторане отеля «Астория». С северной стороны Ленинграда, в Карелии, на Карельском перешейке шли упорные бои с финскими войсками.

В августе 1941 года вновь разгорелись бои на юго-западном направлении. 9 августа началось мощное наступление гитлеровских войск на Новгородском и Кингисеппском направлениях, и уже 14 августа пал Кингисепп, 24-го — Луга, 28-го — Тосно, 30 августа — Мга. Самая жестокая бомбардировка Ленинграда была 9 сентября, когда на город было сброшено 528 фугасных бомб и 1435 зажигательных. А перед этим, 8 сентября, немцы захватили Шлиссельбург, замкнув тем самым блокаду города по суше.

Вечер 8 сентября сильно врезался в мою память. Стемнело. Объявлена воздушная тревога. Мама с братом и я спускаемся в сад. При входе в щель раздается неподалеку сильнейший взрыв, и меня воздушной волной буквально вталкивает в нее. Уже на следующий день мы узнали, что недалеко от нашего дома, на Песочной улице фугасная бомба попала в небольшой деревянный дом. Вероятно, немецкий летчик целился в станцию Ланская, но промахнулся. В этот вечер на город было сброшено 6327 зажигательных бомб и 48 фугасных. Немцы разбомби-





В детском саду. Юра в центре

ли Бадаевские продовольственные склады. Горели деревянные постройки, расплавленный сахар растекался по земле. Наступление немцев продолжалось. 12 сентября был захвачен город Пушкин. У ворот Ле-

нинграда враг остановился. Приказ Гитлера: не входить в город, часть войск армии Лееба перебросить на Москву. 25 сентября командующий армией Лееб отдает приказ о прекращении атак на Ленинград. Но бомбежки и обстрелы города не только не прекратились, но и многократно возросли. Потеря Шлиссельбурга вызвала серьезные затруднения в городе. Прекратилось поступление отдельных видов боеприпасов, продовольствия, горючего, медикаментов. Норма выдачи хлеба была урезана и составляла на 1 октября 1941 года: рабочим — 400 г, служащим и иждивенцам — 200 г, детям — 200 г. Также снизились нормы на мясо, крупу, жиры, сахар.

В это время отец работал на оборонных работах в Выборгском районе Ленинграда. Мама сидела с малолетним братом дома. А на меня легли обязанности отovarивать карточки, заготавливать дрова для печки и другие хозяйственные работы. Было трудно...

Почти все жильцы из нашего дома эвакуировались. В квартире остались кроме нас Екатерина Павловна и Синёва. Ушла служить в войска МПВО моя тетя Нина.

Эвакуация населения Ленинграда осуществлялась на бортах, курсировавших по Ладожскому озеру от построенного вблизи железнодорожной станции Ладожское озеро порта Осиновец до порта Новая Ладога и далее по реке Волхов до железнодорожной станции Гостинополье. В

обратном направлении в Ленинград доставлялось продовольствие, снаряды и различное оборудование.

Но этот путь продержался недолго. Немецкие войска группы «Норд» под командованием Шмидта 8 ноября в ходе решительно-го наступления на восток овладели городом Тихвин и перерезали последний путь, связывающий осажденных со страной. Потеря Тихвина тяжело сказалась на продовольственном обеспечении ленинградцев. Хлеба оставалось в городе мало, а поезда с продовольствием из глубин России стали поступать на небольшую станцию Заборье. Чтобы перевозить грузы на автомашинах со станции, Военный совет принял решение построить дорогу в обход Тихвина по маршруту Осиновец—Леднево (по льду озера) — Новая Ладога—Сясьстрой—Карпино—Лахта—Заборье. 13 ноября произошло новое снижение нормы хлеба: рабочим — 300 г, служащим, иждивенцам и детям — 150 г. В город пришел «союзник» Гитлера — голод. Чтобы заглушить ни с чем не сравнимые страдания от голода, жители искали различные способы изыскания пищи: ловили ворон, охотились за уцелевшими кошками и собаками, из аптек выбирали касторку, вазелин, глицерин. У нас в квартире в мешке, пропахшем керосином, оставалось немного овсянки для собак, которую мы благополучно съели. Варили и ели студень из столярного клея и сыромятных ремней крепления к лыжам. Как-то раз отец принес копыто лошади. Как мы его съели — не помню.

К голоду и бомбежкам добавилось третье бедствие — холод. На улицу выходили только по сигналу воздушной тревоги, за продуктами и за дровами. Я топил дома печку, делал из имеющегося парафина свечку и читал толстую книгу под названием «О вкусной и здоровой пище». Спали мы втроем с мамой и братом на одной лежанке в закутке, в котором иногда отсиживались во время воздушной тревоги. Так было и 11 ноября, когда надоело бегать в бомбоубежище, которое находилось в 4-этажном доме студенческого общежития на Песочной улице. Однако приближающийся гул «мессершмидтов» и отдельные разрывы вынудили нас выйти из квартиры, спуститься на первый этаж и укрыться в нише. После отбоя, вернувшись в квартиру, мы увидели, что стекла в окнах выбиты, в стенах осколки от бомб.



Последний мизер хлебного пайка был установлен 20 ноября. Рабочим — 250 г, служащим, иждивенцам и детям — 125 г. Холод уже в качестве «союзника» голодающих ленинградцев пришел только во второй половине ноября, когда по окрепшему льду Ладоги была налажена ледовая часть «Дороги жизни». А в ночь на 9 декабря группа войск под командованием генерала армии К.А. Мерецкова обрушилась на главные силы Шмидта и штурмом овладела городом Тихвин и отбросила врага за реку Волхов.

Разгром немецкой группировки под Тихвином имел для судьбы Ленинграда не меньшее значение, чем прорыв блокады 18 января 1943 года. Я считаю, этот день следует отмечать как первую Ленинградскую победу, так же, как отмечается в эти дни победа над группой немецких войск «Центр» под Москвой. 24 декабря 1941 года вышло Постановление Военного совета Ленинградского фронта № 00493: «установить с 25 декабря с.г. следующие нормы отпуска хлеба: рабочим и И.Т.Р. — 350 г, служащим, иждивенцам и детям — 200».

Эта норма отпуска хлеба продержалась до 24 января 1942 года и помогла некоторым ленинградцам сохранить силы до следующего повышения нормы — 11 февраля 1942 года.

Новый год мы встретили с дедушкой Василием Макаровичем. Он прошел путь от своего дома до нашего длиной почти 15 км. Принес сладкие пряники, приготовленные из жмыха и расплавленного сахара, подобранного на земле у Бадаевских складов.

...Вскоре дедушка скончался. Умерла и моя любимая тетя Муся — Мария Александровна Шагалова.

Январь 1942 года в нашем Выборгском районе прошел без бомбежек и с редкими обстрелами. Я перестал выходить на чердак дома и караулить зажигалки. Несмотря на сильную слабость, однажды я вышел прогуляться на лыжах и едва удрал от подозрительного мужчины, который увязался за мной.

20 января отец получил командированное удостоверение на всю семью, на основании которого можно было эвакуироваться из Ленинграда, чем мы и воспользовались. 30 января 1942 года выехали из города. Пешком, с двумя саночками (на одних везли братишку, на других — вещи) рано утром добрались мы до Финляндского вокзала, сели в пассажир-



ский вагон и, когда стемнело — во избежание бомбежки, поехали через Всеволожск на станцию Ладожское озеро. Приехали совсем поздно к станции Борисова Грива. Пересели в автобус, на котором доехали до поселка Кокорево. Там перешли на лед, пересекли Ладожское озеро и доехали до станции Жихарево, где нас ожидал состав из теплушек — товарных вагонов. Посередине вагона стояла буржуйка, вдоль стен располагались нары. На станции нас накормили супом, кашей и чистым, без примесей хлебом. С малой скоростью поезд двинулся по северной дороге в направлении Тихвина и далее — Череповец, Вологда. Поезд часто останавливался. Почти все пассажиры были больны дистрофией, расстройством желудка. На остановках многие выходили из вагона, выносили умерших, которых хоронили уже местные жители.

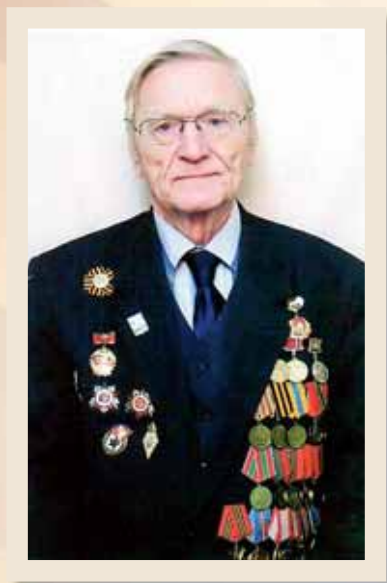
В городе Данилове Ярославской области всех пассажиров, и нас в том числе, высадили и поместили в стационар до поправки. Там скончался наш отец. Он был похоронен на местном кладбище, а нас на санях отвезли в район, в Бабаевский сельсовет и уже оттуда отправили в деревню Моруево и поселили к бабушке Матрене Варламовне Зайцевой. Началась наша сельская жизнь в военное время, о которой тоже сохранились воспоминания. В деревне я вместе с мамой летом работал в колхозе «XX лет РККА». Зимой учился в сельских начальных школах в деревнях Волково, Бабаево, Мичкулово. Когда мама перешла работать в Бабаевский сельсовет сначала секретарем, а потом и председателем, я стал почтальоном по всему сельсовету. Жили, конечно, скромно. Ели только картошку. Хлеб пекли сами. Я молот рожь вручную на каменных жерновах. Иногда колхозники угощали нас молоком.

В Ленинград мы вернулись только благодаря вербовке мамы в создаваемые в пригороде совхозы. Мама по образованию была зоотехником и направлялась на фермы, в которых держали пригнанные из Германии коровы.

В Ленинград мы прибыли в день окончания Второй мировой войны — 3 сентября 1945 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года я был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».





Василий Иванович АНУФРИЕВ

Родился 14 января 1923 года в городе Ленинграде. В 1930 году я поступил в 9-ю среднюю школу Куйбышевского района. В 1937 году перешел в восьмую специальную артиллерийскую среднюю школу Наркомпроса. В 1940 году окончил школу и поступил в 3-е Ленинградское артиллерийское училище (ЛАУ). С мая 1941 года находился в Лужских лагерях.

22 июня 1941 года в 3-м ЛАУ была объявлена боевая тревога, после чего второкурсники второго дивизиона заняли огневую позицию у моста Лужского шоссе. Я с курсантами, окончившими первый курс училища, стал нести охрану железнодорожного моста через реку Луга у станции Толмачево.

В конце декабря 1943 года в Правобережной Украине первым перешел в наступление 1-й Украинский фронт. За три недели ожесточенных боев наши войска почти полностью освободили Киевскую и Житомирскую области. 5 января 1944 года в наступление перешел и 2-й Украинский фронт, которому к середине месяца удалось освободить от немцев Кировоград. Однако на стыке двух фронтов в районе г. Канев в руках немцев оставался большой участок местности, названный Корсунь-Щевченковским выступом. 12 января Ставкой Верхов-

ного Главного командования было приказано обоим фронтам уничтожить эту группировку противника.

24 января ударная группировка войск 2-го Украинского фронта развернула боевые действия на Корсунь-Шевченковском выступе. Сутками позже выступила ударная группировка 1-го Украинского фронта. Эти группировки двигались навстречу друг другу и соединились в районе Звенигородка. Именно из этих группировок был сформирован внутренний фронт окружения, в задачи которого входил разгром окруженных немецких войск и несплошной внешний фронт окружения с задачей не допустить прорыва немцев к окруженной группировке.

1305-й пушечный артиллерийский полк, где я командовал 1-м дивизионом, находился на поддержке войск 53-й армии в районе незакрытого стыка с 5-й гвардейской танковой армией. Как известно, немцы с особым вниманием относились к местам стыков армии, дивизий при нанесении ударов по нашей обороне. Вот поэтому мой дивизион не знал покоя из-за каждодневных ударов немцев с самых разных направлений, не только из-за не сплошной линии фронта, но и от несогласованных действий нашего командования.

Так, в ночь на 31 января мой дивизион перемещался из Рейнтмаловки в Капитоновку, которую мы достигли в 6.00 утра, преодолевая всю ночь весеннее бездорожье. В 14.00 дивизион прибыл в Журавку. Мокрый снег и ветер — полный набор природных явлений. Именно в Журавке и занял дивизион боевой порядок.

1 февраля я весь день находился на наблюдательном пункте, управлял огнем при стрельбе по танкам. 2 февраля в 15.00 подали команду «Отбой». Дивизион выдвигается через Лебедин на Водяное. Уже 3 февраля в 2.00 дивизион занял новый боевой порядок. Дождь шел без конца. Остаток ночи наконец-то переночевали в крестьянской хате. Нечасто такое бывало. На следующий день немного опоздал на наблюдательный пункт. Чувствую, что от усталости силы уже покидают меня. Был мне всего 21 год.

В этот день на этом участке обороны наблюдалось скопление немецких танков и бронетранспортеров. Казалось, что именно здесь должна решиться судьба этой операции. Но, увы, я не угадал. Опять последовала оче-



редная смена боевых порядков. На этот раз командир полка майор Терещенко приказал выдвинуть дивизион в районе населенного пункта Крымки, где необходимо было отыскать пехоту и согласовать с ней боевую задачу. Нужно было выбрать район размещения огневых позиций дивизиона и рубежи наблюдательных пунктов. В эту ночь нас ожидала очень трудная дорога по сплошной грязи.

Наступило раннее туманное утро 4 февраля, когда мы прибыли в Крымки. Только начало рассветать. Колонна медленно передвигалась по улице, чтоб не пропустить хоть какие-то признаки мест расположения нашей пехоты. Нам было все равно, штаб это будет или же хозяйственные службы, так как, найдя одно, можно было бы найти и другое. Так мы проехали весь населенный пункт Крымки, но ничего не обнаружили, даже следов на обочине. На выходе из населенного пункта Крымки, перед нами было пространство, ограниченное с правой стороны — лесом, с левой — дорогой в Шполу. Дорога проходила по самому краю глубокого оврага, которому казалось не было конца. В центре этого пространства находилось черноземное пахотное поле, протяженность которого оценить было сложно из-за густого тумана. Между Крымками и началом этого поля была небольшая площадка, где и остановилась колонна дивизиона. Это было единственное место, где можно было остановиться за время движения из Водяного, не опасаясь увязнуть в грязи.

Итак, согласно приказа, мы прибыли в район населенного пункта Крымки, но нашей пехоты пока не обнаружили. Здесь негде было развернуться пехоте: ни на дороге, ни на переувлажненном черноземном поле, да и в лесу тоже. Поэтому я решил продолжить движение по дороге дальше, прихватив с собой двух командиров батарей — старших лейтенантов. На огневой позиции остался командир 3-й батареи лейтенант Антонов с задачей подготовить по трем точкам дороги исходные данные для стрельбы. Командирам огневых взводов следовало обеспечить готовность орудий к стрельбе.

Взводам управлений поручено было вести наблюдение за окружающей местностью и несение охраны огневой позиции. Старшина дивизиона Кухарский, наблюдая эту сложную ситуацию, предложил нам взять телегу с лошадью для пе-



ревозки инструмента, катушек телефонного кабеля, телефонных аппаратов и другого имущества.

Казалось бы мы все предусмотрели и за себя, и за нечетко работающие штабы. С другой стороны, мы незаметно даже для самих себя переключились только на задачи разведки. А в разведку с тяжелыми оружиями и тракторами не ходят, как известно.

Мы прошли около двух километров, постоянно вслушиваясь, чтобы не пропустить какие-либо окружающие звуки, но ничего не было слышно. Светало, но туман не сходил. Мы продолжали свое движение, чтобы ничего не пропустить из виду, хотя скорость движения немного сбавили. Я всех призвал повысить свое внимание. При такой слабой видимости находящийся в дозоре противник быстрее обнаружит нас с телегой и лошадью, чем мы его. Я понял, что что-то надо менять и выдвинул вперед двух разведчиков, которые хоть в какой-то степени уравнивают шансы сторон. И вот впереди послышались какие-то звуки. Мы прислушались к этим звукам, которые шли с перерывами. Казалось, что это был разговор двух людей. Я тут же с командирами батареи и начальником разведки отправился в сторону разговора. Оставшаяся на дороге часть нашей команды должна была перемещаться метров на 300 в сторону оставшихся у нас за спиной Крымок.

При сходе с дороги мы погрузились в размокшую черноземную массу, доходившую до самого верха сапог. Пришлось придерживать руками верхние части голенищ. Мы прошли ещё метров 50. Громкость разговора несколько возросла. Мы остановились, но ничего не было видно. Требовалось подойти еще ближе к разговаривающим. В этот момент легкое дуновение ветра немного развеяло туман. В метрах 40 от себя мы увидели фигуру военного, стоящего к нам спиной. Чуть дальше мы увидели ряд немецких танков, а перед ними шеренгу танкистов. Офицер, стоявший к нам спиной, ставил боевую задачу группе танкистов. Мы оставили старшего лейтенанта Норкина, чтобы он окончательно установил точное количество танков, а сами бросились обратно к дороге. Надо было спешить.

Выйдя на дорогу, я срочно отправил командиров батарей вместе с телегой к орудиям и поставил задачу





Дот. Ильинский рубеж

привести дивизион в боевую готовность. Сам я подождал старшего лейтенанта Норкина, а затем мы отправились вместе к своим. Старшему лейтенанту Норкину удалось точно подсчитать количество немецких танков — их было 22.

Я понял, что масштабы операции велики. Потребуется остановить не один танк, а целую танковую колонну. Этот случай лишний раз доказывает, насколько быстро нужно принимать решения. Теперь можно попытаться спрогнозировать, что же придумают немцы в этот не простой день в условиях населенного пункта Крымки. Прежде всего, следует отметить, что немецкий офицер достаточно долго ставил боевую задачу. Скорее всего, немецкая разведка обнаружила нас еще в момент выхода нашего дивизиона из Крымок. Теперь они ждали полного рассвета и схода тумана.

Когда мы прошли примерно треть пути до орудий, послышался гул танковых моторов, который постепенно нарастал. Туман рассеялся, и вскоре стало видно, как танки противника выстраиваются в колонну. Глядя на узкую дорогу, идущую в Крымки, где с одной стороны овраг, а с другой,

черноземное поле, я понял — по такой дороге танк более 20 км/ч не разгонится. Оценив условия местности, я рассчитал, что на движение танка по дороге до нашей огневой позиции уйдет больше 6 минут. Наиболее эффективную стрельбу по танкам можно открывать на первом километре их движения. Следовательно, мы располагаем всего тремя минутами, чтобы остановить танки врага.

Но вот появилась совсем неожиданная мысль: открыть огонь по танкам до начала их выдвигания. В этом случае наш огонь должен был для них оказаться внезапным и мог воспрепятствовать организованному вступлению танков в бой. Кроме того, при незначительном расходе снарядов результативность стрельбы может оказаться большей.

Прибыв на огневую позицию, мы увидели начальника штаба полка. Выслушав мой доклад, он приказал срочно развернуть наблюдательный пункт прямо у самой дороги. Быстро и четко прошла проверка всех орудий дивизиона. Прошел доклад о готовности к стрельбе.

Быстро и результативно прошла пристрелка всех орудий в условиях тумана. Когда снаряд однажды попал в овраг, то звука разрыва никто не расслышал, а когда разрыв произошел на дороге, то грохот его был слышан повсеместно.

И вот тут родилась у меня мысль произвести несколько залпов по началу дороги. В результате было произведено две серии залпов. В каждой серии — по два залпа. Первый залп был произведен из двух орудий, а второй — из трех орудий, но ближе к огневой позиции на 20 метров, спустя 3 секунды. Аналогичная вторая серия была дана через 20 секунд после первой. Получилось довольно впечатляющее зрелище.

Сразу после залпов, как по команде, сильно возрос гул танковых моторов. Неужели все как один танки направляются на нас? Нет. Они отказались идти на Крымки. Немцы поняли, что без потерь им не пройти через разрывы наших снарядов. Тем не менее они предприняли попытку прорваться. Особенно активизировались немцы во время залповой стрельбы, открыв огонь из танковых орудий, как по нашим орудиям, так же по наблюдательному пункту. Я находился в крошечном



ровике глубиной не более метра. Прямо передо мной снаряд ударился о землю и срикошетил. Я присел в ровик. Другой снаряд упал недалеко от меня. Немцам удалось повредить механизмы наведения у двух наших орудий. И все-таки нам удалось выполнить задачу по отражению атаки немецких танков.

Сразу после стрельбы меня вызвал майор Терещенко в штаб полка. Там находился командующий артиллерией 53-й армии. Он сообщил, что меня наградят орденом «Отечественной войны I степени». Это была очень большая редкость, когда генерал находил время и силы, чтобы поздравить воина с наградой.

16 января 1945 года мне было присвоено звание майора. После войны проходил службу в Центральной группе войск на ряде должностей.

В качестве командира 16-го гвардейского отдельного разведывательного артиллерийского дивизиона я прибыл в СССР, в Южно-уральский военный округ. Здесь мой дивизион был расформирован, а я в феврале 1947 года демобилизован.

В сентябре 1947 года я стал студентом 1 курса ЛЭТИ, который с отличием окончил в 1952 году. 24 января 1953 года я был принят инженером в п/я 560 МСП, затем назначен старшим инженером, а 16 апреля 1962 года — ведущим инженером. В дальнейшем я защитил диссертацию кандидата технических наук, а 18 марта 1981 года стал старшим научным сотрудником. Я активно участвовал в реализации различных международных научных программ СЭВ. 15 июня 1989 года я ушел на пенсию. Подполковник в отставке, инвалид войны 2-й группы по военной травме, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, награжден 3 орденами и 19 медалями, удостоен памятной медали Чешской академии наук, 16 благодарностей Верховного Главнокомандующего за активное участие в крупнейших операциях войны 1941—1945 гг. Автор более 120 научных докладов и статей.



**Стихотворения о войне,
написанные жителями Финляндского округа**

Великий праздник — снятие блокады,
Для тех, кто в дни войны остался в Ленинграде.
Наш город выстоял, не сдался,
Приблизив окончание войны,
А значит — этот день в историю вписался
Великим праздником для всей страны!
И в этот день я всем желаю
Воспоминанья в мудрость обратить,
И каждый новый день встречая,
И каждый жизни миг — приветствовать, ценить!
А.В. Савельева

Наш «Арсенал» был розов от пожаращ.
На гром приветствий — грохот канонад!!!
Так юность нашу светлую, товарищ,
Враг расстрелял, стреляя в Ленинград.
А город жил израненный, замерзший;
Кольцо блокады больно сжало грудь...
Война и голод, крылья распростерши,
Над городом — ни охнуть, ни вздохнуть.
И не было ни радости, ни песен,
Лишь пайка хлеба, никакой еды...
Вот в прорубь на Неве свой чайник свесив,
Пытаюсь зачерпнуть живой воды.
Как я живу? Как все... полуживая...
Работаю, не покладая рук.
И вдруг! — буханку хлеба покупаю
На деньги, что прислал мне с фронта муж.
А как дожить хотелось до Победы!
Опять увидеть... Невский весь в огнях!
Обстрел, бомбежки и другие беды



Не менее страшны, чем на фронтах.
 И жертв у нас не меньше, чем в сраженьях,
 Запомнятся траншеи, груды тел,
 И девочка с недетским выражением лица
 У тела матери, убитой в артобстрел.
 Любимый город! Я песчинкой малой
 С тобой слилась, тобой гордилась я!
 Тот голос чудный, силы небывалой,
 Призвал нас к Жизни из Небытия!
 Им были мы представлены к награде,
 Казалось, всё делили на двоих:
 Стихи Берггольц в блокадном Ленинграде
 И мужество погибших и живых!

Петербургская хмурая осень:
 Гаснет день, до утра погостив.
 Ветер листья мне под ноги бросил,
 Частый дождик в лицо моросил.
 Непогоду приемлю без слова
 И бойкот объявила делам.
 Ностальгия, как эхо бывшего,
 Меня к старым ведет адресам.
 Как мне дороги детства отметины:
 Переулки, дворы, Сашкин сад,
 Моих первых свиданий свидетели —
 Кружева петербургских оград...
 И война не уходит из памяти.
 Боль блокады берет на излом.
 Там, где сквер по весне кучерявился,
 Мне все помнится рухнувший дом.
 Город мой! И тревогой и радостью
 Ты в мою заплетался судьбу,
 Вот опять, позабыв об усталости,
 На свидание с прошлым иду!

Тамара Петровна Купцова



Я рано узнала

Я рано узнала, что значит война,
И холод, и голод, и ночи без сна,
Бомбежки, обстрелы и стук метронома,
Пустые глазницы разбитого дома.
И звуки сигнала воздушной тревоги.
Трамвай, что застрял в середине дороги.
Прожектора луч, направляемый в небо.
И люди с кусочком блокадного хлеба.
И страх, что в те годы в душе поселился,
Остался навечно, он там угнездился.
Он жить не дает, постоянно тревожа,
Чтоб помнили мы, что такое быть может.
Что может обрушиться мир в одночасье,
С собой унося и здоровье и счастье,
Коверкая судьбы, ломая границы,
Печати войны оставляя на лицах.
Нам мирное детство никто не вернет.
Давно стал историей памятный год.
Но страшные дни ленинградской блокады
Живут в нашем сердце. И помнить их надо!
О люди, наш мир оплатившие кровью
И жизнью своею! С великою скорбью
Пред вами мы головы низко склоняем.
Мы Вас не забудем. Мы Вам обещаем.

Инна Эльковна Ревзина



Содержание

АНДРЕЕВА Галина Павловна	5
ГРОМОВА Ирма Кузьминична	8
ЕГОРОВА Зельма Августовна.....	15
ИВАНОВА Тамара Александровна	23
КОМЛЕВА Роза Александровна	26
МАНИКОВСКАЯ Элеонора Петровна	29
ЧЕСНОКОВА Ирина Алексеевна	35
ДЁМИНА Вера Николаевна.....	40
ВОЙТЕХОВИЧ Анна Захаровна.....	45
ДЕНИСОВА Мария Петровна	47
КАРПОВА Лидия Матвеевна	50
СИМОНЧИК Степан Александрович	52
СНОПОК Людмила Александровна	55
АЛФЕРОВА Марина Федоровна.....	60
БАХТЕЕВА Марьям Абдуловна	62
КАЛИСТРАТОВА Юлия Михайловна	64
КИСЕЛЕВА Жанна Яковлевна	67
СЕДОВ Сергей Александрович	72
ТАРЕЕВА Анастасия Александровна.....	79
ТИМОФЕЕВ Виктор Иванович	82
ФАЛАЛЕЕВ Федор Леонидович	87
КОНОВАЛОВА Римма Михайловна	89
НИКОЛАЕВА Антонина Михайловна	93
ГОЛАНД Анна Андреевна	98
ПЕТРОВА Ангелина Николаевна	106
ЩЕРБАКОВА София Борисовна	109
КОРОЛЬКОВА Галина Алексеевна	111



ШАПИРО Игорь Борисович	113
КОЛОКОЛОВА Галина Владимировна	114
ГУРОВ Николай Иванович	120
ЛЮБИМОВА Юлия Петровна	123
СИЛИН Владимир Иванович	128
ПОЛУБОЯРИНОВ Юрий Георгиевич	135
АНУФРИЕВ Василий Иванович	144
Стихотворения о войне, написанные жителями Финляндского округа	151



*Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга
муниципальный округ Финляндский округ*

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть 5. Чтоб не забылась та война

При оформлении книги использовались материалы:
из личных архивов участников Великой Отечественной войны,
жителей блокадного Ленинграда, труженников тыла
и узников фашистских концлагерей

Чуйков В.И., Рябов В.С. Великая Отечественная. Фотоальбом.
Москва: Планета, 1985.

<http://waralbum.ru>

ООО «Медпресса»

Дизайн обложки – Л.Л. Грабарь

Верстка – И.Н. Быков

Корректор – М.Л. Водолазова

Бумага мелованная.

Формат 70×100 ¹/₁₆, Тираж 1000 экз. Подписано в печать 03.04.2014.

Заказчик: Местная администрация муниципального образования

Финляндский округ.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ИПК «Береста».

Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28.

Часть 5. Чтоб не забылась та война...



